

2014 №4

MSUPE

PSYCHOLOGY AND LAW

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Булыгина В.Г., Альфарнес С., Дубинский А.А.

Автобиографическая память, как новый предмет исследований в судебной психиатрии (на примере больных шизофренией, совершивших ООД) 1

Демидова Л.Ю., Камеисков М.Ю.

Диагностические критерии педофилии – клинические, правовые и социокультурные проблемы 14

Дзядко Н.М.

Обзор книг, выпускаемых центром содействия реформе уголовного правосудия в помощь специалистам, работающим с правонарушителями 23

Колесникова А.И., Дебольский М.Г.

Особенности копинг-стратегий осужденных с различным уровнем жизнестойкости, состоящих на учете, как склонные к суициду 34

Коновалов А.Ю., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В., Аруин С.Ю.

Анализ заинтересованности образовательных учреждений города Москвы во внедрении школьных служб примирения и восстановительной медиации 46

Луковцева З.В.

Формирование клиничко-диагностических компетенций у будущих психологов 59

Морозова М.В., Савина О.Ф., Кузнецов И.В.

Психологические аспекты симуляции бредаподобной симптоматики в экспертной практике 68

Сафуаиов Ф.С.

Этические проблемы использования психологических знаний в судопроизводстве в непроцессуальных формах 79

Секераж Т.Н.

Актуальные вопросы психологического исследования материалов по делам, связанным с проявлениями экстремизма 88

Якушенко А.В.

Социальные представления о преступниках и преступлениях в различных профессиональных группах молодежи 99

Автобиографическая память, как новый предмет исследований в судебной психиатрии (на примере больных шизофренией, совершивших ООД)

Булыгина В.Г., кандидат психологических наук, руководитель Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ver210@yandex.ru)

Альфарнес С., клинический психолог, Акерхаус университет, Осло, Норвегия (svein.atle.alfarnes@ahus.no)

Дубинский А.А., студент факультета Юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

В статье проводится анализ взаимосвязи параметров автобиографической памяти с особенностями самосознания личности больных шизофренией. Описаны результаты сравнительного исследования лиц мужского пола, больных шизофренией, имеющих криминальный анамнез и психически здоровых с нормосообразным поведением, проведенного для определения влияния самосознания и идентичности личности в норме и при психической патологии на особенности АП. Обследование проводилось с использованием батареи методик: опросника «Функции автобиографической памяти», содержащий шкалы, тестов «Линия жизни» («life-line») и «Метафора прошлого», опросник самоотношения (ОСО).

Выявлено, что степень наполненности и адекватность автобиографического материала напрямую зависит от глубины личностного дефекта больного шизофренией. Что выражается в трансформации автобиографических воспоминаний под актуальную, часто не критичную оценку, своей личности. Полученные данные о влиянии самосознания на автобиографическую память позволят уточнить представления о той ее продукции, которая значима для оценки риска неадаптивного поведения больных в стрессогенных ситуациях.

Ключевые слова: автобиографическая память, самосознание.

Постановка проблемы

Активное изучение автобиографической памяти (АП) приходится на 1970-е годы, в основном в ключе когнитивистского подхода [13]. В настоящее время широко применяется культурно-исторический подход к изучению АП [8], который описывает процессы, механизмы, функции, ее развитие в онтогенезе и т.д. На настоящий момент, в рамках данного подхода крайне мало эмпирических исследований АП при различных видах психической патологии, и в частности посвященных определению ее специфики, взаимосвязи с особенностями самосознания и идентичности у больных шизофренией.

Обращение к автобиографическим воспоминаниям (АВ) и возможностям АП относится к интериоризированным формам внутреннего полилога на основе соотнесения разновременных воспоминаний о себе (разновременных Я) [8].

Согласно мнению В.Д. Вида [3], для самооценки больного шизофренией, как одной из главной составляющей представления о собственном Я, характерно искажение «наличного» и «идеального» образов Я, приводящее к нереалистичному восприятию себя и окружающих, неадекватной оценке собственных возможностей и личных качеств. При этом сохранение отрицательной информации о себе и гипертрофированная презентация положительной информации, завышение идеального ожидания к себе и своему социальному успеху, как правило, приводит к заниженной самооценке и гиперкомпенсаторно завышенной ее подаче. Это часто выражается в принятии чуждых социальных ролей с подменой своих личных качеств атрибутами социального престижа, заимствованными извне, что ведет к неустойчивой идентичности. В результате подобной дезинтеграции идентичности возникает неустойчивость концепции собственных личностных характеристик. А поскольку автобиографическая продукция отражает индивидуально специфические свойства личности, подобная искаженная самооценка и нарушение самоидентичности, закономерно приводят к изменению репертуара доступных АВ. Благодаря пластичности АП, происходит «имплантация» в АП содержаний, соответствующих актуальной самоидентичности, что и начинает составлять представление человека о самом себе [7]. В частности, это было подтверждено в рамках исследований АП при диссоциативных личностных расстройствах [14], а также в исследованиях изменения отдельных параметров самоидентичности, в результате повышения их субъективной желательности, закономерно изменяющих репертуар доступных АВ [16].

В рамках психологических наук самосознание рассматривается как отнесенность акта сознания к своему Я [11]. А.Б. Холмогоровой было установлено, что при шизофрении нарушается сознательная форма рефлексивной регуляции мыслительных процессов, что приводит к выраженным трудностям адекватного оценивания и осознания своего внутреннего мира и переживаний [10]. И.И. Чеснокова отмечает, что это за собой влечет нарушение возможности функционирования в «диалоге с собой», в котором личность оперирует уже готовыми, сформированными знаниями о себе [11].

В рамках психиатрических наук фундаментально изучалось самосознание больного шизофренией. Так К. Ясперс указывал, что при данной патологии

«нарушается активность Я, изменяется осознание принадлежности «Мне» тех или иных проявлений психического», и «нарушается осознание собственной идентичности во времени, в то время как в норме такое осознание сопровождает любое проявление психической жизни» [12, с. 340].

С точки зрения психоаналитических представлений переживания больного шизофренией характеризуются переживанием неразрывной слитности внешнего и внутреннего собственного Я, с отсутствием противопоставления сознания Я внешнему миру [1]. В связи с этим оно характеризуется крайней недифференцированностью, дефицитарностью, парциальностью и слабостью.

Для объяснения феноменологии нарушенного самосознания создавались концепции «нормативного» самосознания. Так, А. Кемпински определял в норме структуру Я как модель, которая включает в себя: собственное Я, границу, отделяющую внутренний мир от внешнего, а также специфический пространственно-временной порядок, соответственно которому организуются переживания [4]. При этом, Я – является центральной точкой мира переживаний человека. С Я связано прошлое, настоящее и будущее время, а также пространственные изменения. Когда все вокруг человека и в нем самом изменяется, чувство, что Я есть Я, остается неизменным, идентичность человека сохраняется. Я является интегрально связанным с границей, отделяющей внутренний мир от внешнего.

А. Кемпински указывал, что у больных шизофренией стирается граница, отделяющая их внутренний мир от окружающего, в результате возникает два основных симптома: расщепление и аутизм. Разрушение границы между внутренним и внешним миром приводит к переходу внутреннего содержания мира больного шизофренией вовне, становясь внешним реальным миром, одновременно внешний мир становится его собственным миром. При этом, Я перестает выполнять интегративную функцию, утрачивается чувство, что Я есть Я. Нарушение чувства постоянства идентичности возникает из-за распада интеграционных способностей Я, целое оказывается разрушенным, нет единого Я, есть много Я [4].

Возвращаясь к пониманию АП, подчеркнем ряд положений. Механизмом формирования и поддержания любой из форм идентичности служит анализ и ревизия зафиксированных в АП событий жизни, а основой функционирования АП является обращение к своему прошлому опыту, его осознание и гибкое преобразование, исходя из запросов настоящего с формированием осознанного субъективного отношения к нему [8]. Нарушение способности к рефлексии прошлого опыта и его анализу, в виде определения своего места в системе человеческих взаимоотношений и предназначения приводит к нарушению преемственности этапов личной истории, отражает отсутствие единства чувственного понимания внутреннего мира, дифференциации внешнего и внутреннего Я. В этом случае, прошлые АВ начинают трансформироваться и интерпретироваться конгруэнтно актуальной концепции мировосприятия, подчиняющейся нарушенной самоидентичности.

Таким образом, в связи с недостаточной эмпирической наполненностью, необходимо в рамках психологических наук объяснить связь АП и самосознания в

норме и при психической патологии, дополнить теоретические конструкты экспериментальными данными. Полученные данные о влиянии самосознания на АП позволят уточнить представления о той продукции АП, которая значима для оценки риска неадаптивного поведения в стрессогенных ситуациях.

В связи с вышесказанным целью данного исследования было определение влияния самосознания и идентичности личности в норме и у больных шизофренией, совершивших общественно-опасные действия (ООД) на особенности АП.

Материал исследования

В исследовании приняло участие 36 испытуемых. Все испытуемые мужчины, в возрасте от 22 до 64 лет (ср. возраст 35,36 лет). Основная группа – больные шизофренией: состоит из 18 человек, в возрасте от 22 до 64 лет (ср. возраст 33,67 лет), находящихся на принудительном лечении в Орловской ПБСТИН.

Социальный и образовательный статус больных шизофренией характеризовался следующим. Проживали в сельской местности - 72,2%, в городе – 27,8% обследованных, среднее образование получили 55,6%, неоконченное среднее – 22,2%, средне-специальное - 16,7%, высшее -5,6% пациентов.

Большинство лиц в группе больных шизофренией имели низкий maritalный статус: не состояли в браке 66,6% обследованных, в разводе – 16,7%, были женаты – 16,7%.

Криминальный статус обследованных характеризовался следующим. 66,6% испытуемых имели в анамнезе одного или нескольких правонарушений.

Последние ООД по характеру распределялись следующим образом: убийство – 66,6%, агрессивные ООД против личности – 5,6%, сексуальные правонарушения – 16,7%, кражи – 11,1% случаев. Реализованные в прошлом ООД в 16,7% наблюдений были убийства, агрессивные ООД против личности – 16,7%, связанные с наркотиками – 11,1%, кражи – 11,1%; сексуальные ООД – 5,6%. Среди продуктивно-психотических механизмов последнего ООД распределение было следующим: реализация импульсивных действий – 50,0%, бредовая защита – 16,7%, бредовая месть - 11,1%, бредовая миссия – 11,1%. При совершении последнего ООД по негативно-личностным психопатологическим механизмам в подавляющем большинстве случаев была эмоциональной бесконтрольностью (72,2%). Расстройства влечений отмечались в 27,8% наблюдений. 27,8% лиц, совершили повторное ООД после отмены принудительного лечения спустя 5 лет, временной интервал между отменой ПЛ и совершением повторного ООД более года был выявлен в 16,7% случаев, менее года – в 22,2% наблюдений. В 44,4% случаев последнее ООД было совершено в состоянии алкогольного, в 5,6% – наркотического опьянения. Зависимость от алкоголя был зафиксирована у 66,6% больных.

Среди преморбидных личностных особенностей в 72,2% случаев отмечалась эмоциональная неустойчивость, шизоидность – в 11,1%, параноидность, возбудимость и астеничность – каждая в 5,6% наблюдений.

Группа условной нормы состояла из 18 человек в возрасте от 23 до 64 лет (ср. возраст 37,06 лет). Социальный и образовательный статус группы условной нормы характеризовался следующим. Проживали в городе – 88,9%, в сельской местности – 11,1% обследованных, высшее образование получили 50,0 %, неоконченное высшее – 27,8%, средне-специальное – 11,1%, среднее – 11,1 % испытуемых.

Большинство лиц в группе условной нормы имели средний maritalный статус: были женаты – 44,4% обследованных, не состояли в браке - 33,3%, брак не зарегистрирован – 16,7%, в разводе - 5,6%. У всех испытуемых отсутствуют психические заболевания и криминальный статус.

Методический комплекс включал батарею инструментов:

1. Опросник «Функции автобиографической памяти», содержащий шкалы «Полифункциональность», «Коммуникативность», Саморегуляция», «Прагматика», «Зрелость» и отражающий характерный для индивида вариант использования АВ [2]. 2. «Линия жизни» («life-line»).¹ 3. «Метафора прошлого» – испытуемым необходимо было продолжить фразу: «Мое прошлое похоже на ...».² 4. Опросник самооотношения (ОСО) [9].

Также, по группе больных шизофренией, анализировались анамнестические данные, включающие клинко-социальные характеристики и результаты экспериментальных патопсихологических исследований.

Статистическая обработка включала в себя применение описательной статистики, корреляционного анализа (раздельно по группам), однофакторного дисперсионного анализа и биномиального критерия хи-квадрат на непараметрических шкалах.

Анализ производился с помощью статистического пакета SPSS-17.

Методологическая база исследования

АП – это высшая мнемическая система, организованная по смысловому принципу, оперирующая отнесенными к Я событиями, которая обеспечивает формирование субъективной истории жизни и переживание себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути [6].

¹ Формализации ответов испытуемых осуществлялась по показателям: «Общее количество воспоминаний», «Количество позитивных воспоминаний», «Количество негативных воспоминаний», «Количество жизненных тем», «Количество событий детства», «Плотность воспоминаний в целом», «Возраст первого воспоминания», представленность события «Мое рождение», «Дискретность/связанность», изображенных АВ, «Наличие рекреационных событий», «Наличие событий внутренней жизни», «Наличие исторических событий» и «Объем оперативного прошлого» (интервал между последним нанесенным на изображение событием и возрастом в момент выполнения методики) [8].

² Формализация ответов испытуемых осуществлялась по показателям: «Витальность метафорического образа», «Статичность/динамичность образа», «Локус контроля», «Прогноз» и «Общая оценка прошлого» [6].

Единицей анализа АП является *автобиографическое воспоминание* (АВ). Существует яркое, важное, переломное и характерное АВ³. Совокупность АВ организуется в «личностные этапы», «жизненные темы», сопровождается переживанием самоидентичности и осознанием концепта судьбы [6].

Существует *3 типа идентичности* с учетом роли АП [5]. *Социальная* – является иерархически организованным «личностным знанием», отражающим принадлежность к социальным группам и представляет собой совокупность социальных ролей. *Персональная* – проявляется в идентификации с индивидуальными характеристиками (психологическими, социальными, поведенческими и физическими) самой личности. Персональная идентичность должна базироваться на совершаемых в жизни поступках и действиях. *Автобиографическая* – основывается на идентификации с индивидуальными событиями жизни. Эксплицируется в представлениях о единстве уникальной личной истории, предполагающее переживание и осознание личностью преемственности этапов своей жизни. Процесс обретения автобиографической самоидентичности развивается с опорой на различные единицы функционирования АП: конкретные воспоминания прошлого (в форме АВ); вербальную историю жизни. При этом, АВ являются своеобразной «базой данных» для формирования идентичности [15]. На основе обозначенных компонентов идентичности формируется представление человека о себе, объединяясь в Я-концепцию.

Основные *функции АП* в качестве базиса развития основных механизмов, обеспечивающих самосознание личности в социокультурном пространстве ее бытия [6, 8]. *Саморегулирующая* – тенденция обращаться к АВ как к средству регуляции своих психических состояний. *Прагматическая* – выражается в извлечении «жизненных уроков» из автобиографического опыта. *Коммуникативная* – заключается в готовности использовать личные воспоминания во взаимодействии с другими людьми и направлена на поддержание активного взаимодействия с участниками общения. *Экзистенциальная (зрелость АП)* – направлена на установление интервалов самоидентичности личности, осознание личной уникальности, временной интеграции и тождественности личности. Эта функция предполагает высокий уровень произвольности в обращении к личным воспоминаниям.

³ Яркое АВ: фиксация события происходит по механизму «видеоролика, живой картинки». Рассказ о таком эмоционально насыщенном АВ строится с позиции прошлого, на основе создавшегося впечатления о событии. Важное АВ: заключается в значимости события для личности, его социальной ориентированности и направленности на результат в настоящем. Переломное АВ: выражает отношение к конкретному жизненному событию, как к послужившему для качественного изменения личности в определенный момент своей жизни. Характерное АВ: отмечается личностью как наиболее типичное для нее и отражает совокупность психологических и личностных характеристик [6].

Обсуждение результатов

Для выявления взаимосвязи функций АП, а также ее особенностей, составляющих самосознание, был проведен корреляционный анализ исследуемых переменных.

В группе *нормы* была выявлена положительная корреляционная связь между шкалами опросника ФАП: «Полифункциональность» и «Саморегуляция», «Коммуникативность» и «Прагматика», а также «Саморегуляция» и «Прагматика». Что свидетельствует об однородности и взаимосвязанной значимости каждой отдельной функции АП для активности субъекта. Выявленная отрицательная связь между показателями по шкалам «Коммуникативность» и «Зрелость»; «Прагматика» и «Зрелость» означает, что при большей произвольности (зрелости АП) незначительно снижается использование ресурсов АП в качестве средства коммуникации, а также для извлечения «уроков» из прошлого опыта. Отмечается положительная связь между показателями по шкалам «Общее количество воспоминаний» и «Количество позитивных воспоминаний» (методика «Линия жизни»). У испытуемых группы условной нормы большинство событий, из общего количества АВ, были положительными и, в целом, отражали удовлетворенность прошлым.

Положительная корреляционная связь была обнаружена между показателями по шкалам «Самопонимание» (методика «ОСО») и «Зрелость» (методика «ФАП»), что можно проинтерпретировать, что осознанность Я, высокий уровень рефлексивности и критичности предполагают произвольность и осмысленность при обращении к личным воспоминаниям, в сочетании со способностью к эффективному использованию функционального потенциала АП.

В группе *больных шизофренией* была выявлена положительная корреляционная связь между показателями по следующим шкалам опросника ФАП: «Полифункциональность» и «Коммуникативность»; «Полифункциональность» и «Саморегуляция». Это может означать использование функционального потенциала АП преимущественно в целях коммуникации и в качестве средства для регуляции эмоционального состояния. Положительную связь между показателями по шкалам: «Полифункциональность» (методика «ФАП») и «Самопонимание» (методика «ОСО») возможно трактовать следующим образом: те лица, которые показывают одновременно высокие баллы по данным шкалам, отличаются как большей критичностью, оформленностью представлений о собственной личности, так и успешнее реализуют автобиографический функциональный потенциал.

Кроме того, в группе *больных шизофренией* была выявлена взаимосвязь между показателями по шкалам «Самообвинение» (методика «ОСО») и «Дискретность и связанность событий» (методика «Линия жизни»). Связанность воспоминаний о событиях предполагает наличие внутренней согласованности и последовательности событий, отмеченных на линии жизни. Соответственно, те испытуемые, которые более последовательно, связано и континуально вспоминают события прошлого, обладают одновременно большим уровнем самообвинения, осознанием своих негативных качеств, более реальном представлении о собственной идентичности и происшедшем с ними. В случае

обедненности и дискретности воспроизводимого репертуара АВ у обследованных отмечается низкий уровень самообвинения, что отражает нежелание актуализации прошлых событий личной истории, нерелевантных относительно структуры идентичности, что может выражаться в поверхностной, идеализированной трансляции представлений о своей личности и своем прошлом с фантазийной имплантацией в АП искусственных смыслов, которые конгруэнтны собственным представлениям.

У больных шизофренией меньше представлены события внутренней жизни (методика «Линия жизни») по сравнению с группой условной нормы, что говорит о сложности актуализации рефлексивных представлений о событиях прошлого. Данная закономерность проявляется в связанности показателей по шкалам «Самоинтерес» (методика «ОСО») и «Плотности событий в целом» (методика «Линия жизни»), обратно-пропорциональной связи – между шкалой «Самоуверенность» (методика «ОСО») и переменной «Плотность событий в целом» (методика «Линия жизни»). Испытуемые, имеющие меньшую плотность АВ, указанных на линии жизни, имеют более высокие результаты по шкалам «Самоинтерес» и «Самоуверенность». То есть, трактовка прошлого осуществляется с позиции диссоциации травматичного опыта с применением первичных механизмов психологической защиты, в сочетании с высоким формальным и идеализированным оцениванием себя, с неадекватностью транслируемой самооценки, исходя из нарушенного представления о своей идентичности, с трансформацией АВ под настоящие, личностно значимые качества.

Отмечается отрицательная связь между показателями по шкалам «Самоинтерес» (методика «ОСО») и «Общая оценка прошлого» (методика «Метафора прошлого»). Преобладание негативного оценивания своего прошлого при высоком уровне самоинтереса, может свидетельствовать об использовании примитивных защит для минимизации травматического влияния прошлого опыта, поверхностности представлений о событиях внутренней жизни, неадекватности представления личности о себе.

Анализ таблиц сопряженности выявил, что группу больных шизофренией значимо отличали более высокие общие баллы по шкалам «Полифункциональность», «Коммуникативность», «Саморегуляция» и «Прагматика», а также более низкие баллы по шкале «Зрелость» (Методика «ФАП») и шкале «Самообвинение» (методика «ОСО»).

При этом, внутри группы больных шизофренией для лиц, которые демонстрировали высокие результаты по шкалам «Полифункциональность», «Саморегуляция», «Прагматика» (Методика «ФАП»), «Отношение других», «Саморуководство», «Самоинтерес», «Самопонимание» (методика «ОСО») в сочетании с низкими баллами по шкалам «Зрелость» (Методика «ФАП») и «Самообвинение» (методика «ОСО») были характерны: низкая обучаемость, низкий уровень сведений и знаний, познавательной сферы, эмоциональная неустойчивость, совершение в прошлом убийства, привлечение к уголовной ответственности 3 и более раз, злоупотребление алкоголем. Также, почти во всех случаях, данные испытуемые имеют внешний локус контроля относительно случившихся жизненных событий. Выявленные взаимосвязи подтверждают закономерность того,

что чем больше представлены когнитивные и личностные нарушения, тем более идеализировано самоотношение испытуемого к себе. Конгруэнтность АП относительно самооценочных качеств человека приводит к недостоверности демонстрируемого высокого функционального потенциала АП в результате идеализации ответов, в связи с некритичностью к своей личности.

Заключение

Согласно полученным результатам у больных шизофренией, при «нечеткости» и «размытости» внутренних границ Я, неадекватности самооценки и некритичности к себе, происходит трансформация АВ, исходя из общей дезорганизации идентичности, которая предопределяет характер доступного автобиографически релевантного материала.

Была выявлено, что группу больных шизофренией, совершивших ООД, отличает отсутствие связи актуализируемых событий прошлого с их адекватной персональной оценкой, соответствующей смыслу прошлых АВ. Это может свидетельствовать о том, что подобная оценка не базируется на едином осознанном самоотношении, а строится, исходя из искаженной идентичности, демонстрирующей принятие себя, ложное самопонимание и самоуверенность. Это положение доказывает выявленная закономерность, показывающая, что при наличии у больного шизофренией более грубых когнитивных и личностных нарушений отмечаются более «оторванные» от объективной действительности способы оценки своих личностных особенностей и потенциала АП.

Для дополнительной верификации обнаруженных феноменов необходимо в дальнейшем увеличить исследуемую выборку, а также включить в исследование дополнительные группы сравнения, например, больных шизофренией, не совершавших правонарушения.

Литература

1. Берже Ж. Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника/Пер. с фр. М.: Изд-во Московского университета, 2001. 400 с.
2. Василевская К.Н. Разработка и апробация диагностического опросника «Функции автобиографической памяти» // Психологическая наука и образование. 2008. №4. С. 101-110.
3. Вид В.Д. Психотерапия шизофрении (2-е изд.). СПб.: Изд-во «Питер», 2001. 432 с.
4. Кемпински А. Психология шизофрении. СПб.: Изд-во «Ювента», 1998. 292 с.
5. Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2. С. 77-87.
6. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.

-
7. *Нуркова В.В., Василенко Д.А.* Формирование вариативного репертуара самоопределяющих воспоминаний как средство развития самоидентичности. Серия «Психологические науки» // Вестник РГГУ. 2013. № 18(119). С. 11–30.
 8. *Нуркова В.В.* Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: автореф. дис. докт.психол.наук. М., 2009. 50 с.
 9. *Столин В.В., Пантилеев С.Р.* Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. М., 1988. С. 123-130.
 10. *Холмогорова А.Б.* Нарушения рефлексивной регуляции познавательной деятельности (при шизофрении). Автореф. канд. психол. наук, М., 1983. 25 с.
 11. *Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. М.: Изд-во «Наука», 1977. 144 с.
 12. *Ясперс К.* Общая психопатология. Пер. с нем. М.: Изд-во «Практика», 1997. 1056 с.
 13. *Brown R., Kulik J.* Flashbulb Memories // Cognition, 1977. №5. P. 73-99.
 14. *Bryant R.A.* Autobiographical memory across personalities in dissociative identity disorder: A case report // Journal of Abnormal Psychology. 1995. Vol. 104. P. 625–631.
 15. *McAdams, D. P.* The psychology of life stories // Review of General Psychology, 2001. P. 100-122, № 5. P. 11-21.
 16. *Sanitioso R., Kunda Z., Fong G.T.* Motivated recruitment of autobiographical memories // Journal of personality and Social Psychology. 1990. Vol. 59 (2). P. 229–241.
 17. *Tulving E., Thomson D.M.* Encoding specificity and retrieval processes in episodic memory // Psychological Review. 1973. №80. P. 352-373.

Autobiographical memory as a new subject of research in forensic psychiatry (in the sample of patients with schizophrenia who committed socially dangerous acts)

***Bulygina V.G.**, Head of the Laboratory of psychological problems of forensic psychiatric prevention FGBU "Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction" Health Ministry, Ph.D., Associate Professor (ver210@yandex.ru)*

***Svein Atle Alfarnes**, clinical psychologist, Akershus universitetssykehus HF (svein.atle.alfarnes@ahus.no)*

***Dubinsky A.A.**, student of the Faculty of Law Psychology Moscow State University of Psychology & Education (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)*

The article analyzes the relationship parameters of autobiographical memory with features of consciousness of the person with schizophrenia. The results of a comparative study of males with schizophrenia who have criminal histories and mental health normosobraznym behavior conducted to determine the effect of self-awareness and personal identity in health and mental disorders in the particular AP. The survey was conducted using a battery of techniques: the questionnaire "The functions of autobiographical memory" containing scale tests "Life Line» («life-line») and "The metaphor of the past," the self-questionnaire (CCA).

Revealed that the degree of fullness and adequacy of autobiographical material depends on the depth of personality defect schizophrenic. Resulting in the transformation of autobiographical memories by date, often uncritical assessment of his personality. The obtained data on the effect of self-awareness on the autobiographical memory will clarify the idea of one of its products, which is significant for assessing the risk of non-adaptive behavior of patients in stressful situations.

Keywords: autobiographical memory, self-consciousness, patients with schizophrenia.

References

1. *Berzhe Zh.* Psikhoanaliticheskaya patopsikhologiya: teoriya i klinika/Per. s fr. Moscow: Puhl. Moskovskogo universiteta, 2001. 400 p.
2. *Vasilevskaya K.M.* Razrahotka i aprohatsiya diagnosticheskogo oprosnika «Funktsii avtobiograficheskoi pamyati» // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2008. №4. P 101-110.
3. *Vid V.D.* Psikhoterapiya shizofrenii (2-e izd.). St. Petersburg: Publ. «Piter», 2001. 432 p.
4. *Kempinski A.* Psikhologiya shizofrenii. St. Petersburg: Publ. «Yuventa», 1998. 292 p.
5. *Nurkova V.V.* Rol' avtobiograficheskoi pamyati v strukture identichnosti lichnosti // Mir psikhologii. 2004. № 2. P. 77-87.
6. *Nurkova V.V.* Svershennoe prodolzhaetsya: Psikhologiya avtobiograficheskoi pamyati lichnosti. Moscow: Puhl. URAO, 2000. 320 p.
7. *Nurkova V.V., Vasilenko D.A.* Formirovanie variativnogo repertuara samoopredelyayushchikh vospominanii kak sredstvo razvitiya samoidentichnosti. Seriya «Psikhologicheskie nauki» // Vestnik RGGU. 2013. № 18(119). P. 11-30.
8. *Nurkova V.V.* Kul'turno-istoricheskii podkhod k avtobiograficheskoi pamyati: avtoref. dis. dokt.psihol.nauk. Moscow, 2009. 50 p.
9. *Stolin V.V., Pantileev S.R.* Oprosnik samootnosheniya // Praktikum po psikhodiagnostike: Psikhodiagnosticheskie materialy. Moscow, 1988. P. 123-130.
10. *Kholmogorova A.B.* Narusheniya reflektivnoi regulyatsii poznavatel'noi deyatelnosti (pri shizofrenii). Avtoref. kand. psikhol. nauk, Moscow, 1983. 25 p.
11. *Chesnokova I.I.* Problema samosoznaniya v psikhologii. Moscow: Publ. «Nauka», 1977. 144 p.
12. *Yaspers K.* Obshchaya psikhopatologiya. Per. s nem. Moscow: Publ. «Praktika», 1997. 1056 p.
13. *Brown R., Kulik J.* Flashbulb Memories// Cognition, 1977. №5. P. 73-99.
14. *Bryant R.A.* Autobiographical memory across personalities in dissociative identity disorder: A case report // Journal of Abnormal Psychology. 1995. Vol. 104. P. 625-631.
15. *McAdams, D. P.* The psychology of life stories // Review of General Psychology, 2001. P. 100-122, № 5. P. 11-21.

16. *Sanitioso R., Kunda Z., Fong G.T.* Motivated recruitment of autobiographical memories // *Journal of personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 59 (2). P. 229–241.
17. *Tulving E., Thomson D.M.* Encoding specificity and retrieval processes in episodic memory // *Psychological Review*. 1973. №80. P. 352-373.

Диагностические критерии педофилии – клинические, правовые и социокультурные проблемы

Демидова Л.Ю., младший научный сотрудник лаборатории судебной сексологии, Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии (ФГБУ «ФМИЦПН» Минздрава России) (lyubov.demidova@gmail.com)

Каменсков М.Ю., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии (ФГБУ «ФМИЦПН» Минздрава России) (m-kamenskov@mail.ru)

Статья посвящена анализу диагностических критериев педофилии (педофилического расстройства) в контексте разработки 11-й версии Международной Классификации Болезней и недавно вышедшего Руководства по диагностике и статистике психических расстройств 5-го пересмотра. В работе обсуждается целесообразность существующих критериев и их влияние на клиническую диагностику, оценку общественной опасности и социокультурные ценности. Показано, что второй диагностический критерий исключает из поля зрения специалистов целый спектр психосексуальной патологии, при которой целесообразно оказание медицинской помощи, в том числе в целях предупреждения усугубления симптоматики и совершения противоправных деяний. Также выделены проблемы экспертной диагностики педофилии (педофилического расстройства), к которым приводит подобная формулировка критериев, отмечается нецелесообразность такой формулировки с точки зрения общественного интереса. Сделан вывод о том, что сохранение в новой классификации подобных диагностических критериев в неизменном виде скорее является результатом неоправданного желания избежать стигматизации индивидов с педофилией.

Ключевые слова: педофилия, педофилическое расстройство, классификация болезней, МКБ, DSM.

В последние годы Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) ведет активную работу по созданию МКБ 11-го пересмотра, в которой могут принять участие специалисты в области здравоохранения из всех стран-участников. Не столь давно была принята и новая версия американской классификации DSM-5, в опоре на которую часто и строятся рубрики МКБ.

К настоящему моменту на сайте ВОЗ представлена бета-версия будущей МКБ (ICD-11 Beta Draft) [12]. Некоторые ее положения переводят проблему разработки

МКБ-11 из медицинского поля в правовое и социокультурное. Речь идет о расстройствах сексуального предпочтения (код F 65 – по действующей классификации МКБ-10) или, как их предлагается назвать в будущей классификации, о парафилических расстройствах (paraphilic disorders).

Описание этих расстройств имплицитно предполагает возможность наличия у человека педофилии как сексуальной ориентации, т.е. по сути констатируется нормальность природы сексуального влечения к детям. Схожее положение вещей касается и других парафилий.

В соответствии с новыми рекомендациями предлагается разделить понятия парафилий и парафильных расстройств. Парафилии увязываются с социально неопасными формами аномального сексуального поведения, например фетишизмом, трансвестизмом, садомазохистскими формами половой активности, практикуемыми по обоюдному согласию и т.п., которые не следует рассматривать как психические расстройства, чтобы не стигматизировать лиц с «нетипичными» сексуальными формами деятельности [17]. Следует отметить, что данные расстройства уже были исключены из официального списка психических расстройств в нескольких европейских странах [14].

Парафилические расстройства характеризуются «продолжительными и интенсивными паттернами атипичного сексуального возбуждения, проявляющимися в сексуальных мыслях, фантазиях, побуждениях или поведении, объектом которых являются лица, чей возраст или состояние свидетельствуют об их нежелании или неспособности дать согласие. **Для диагностики расстройства индивид должен действовать в соответствии с этими мыслями, фантазиями, побуждениями или испытывать из-за них значительный дистресс.** Аналогичные паттерны возбуждения в случае единичных эпизодов поведения или при обоюдном согласии партнеров могут диагностироваться как парафилические расстройства только в том случае, когда они оказываются связаны со значительным дистрессом (который не должен быть результатом отказа/страха отказа в получении сексуального удовлетворения со стороны других людей) или со значительным риском травмирования или смерти» [12].

Таким образом, диагностические критерии расстройств сексуального предпочтения (парафилических расстройств), по сути, остались без изменений. В них входят: наличие длительно сохраняющихся сексуальных фантазий, побуждений, включающих аномальную сексуальную активность; действия в соответствии с этими побуждениями или значимый дистресс из-за них. В этом контексте возникают вопросы, связанные с *клиническими* подходами к диагностике парафилий. Об этом свидетельствуют дискуссии касательно диагностических указаний к психосексуальным расстройствам, не прекращающиеся с момента выхода предыдущих версий МКБ и DSM [6, 9, 11, 13, 15, 16 и др.]. Таким образом, сохранение существующих критериев в неизменном виде оставляет перед научным и правовым сообществом целый ряд трудноразрешимых вопросов, прежде всего, в контексте постановки диагноза педофилии.

Во-первых, остается неясным, что в данном случае вкладывается в понятие «действия», и попадает ли под эту категорию мастурбация. Возникновение

фантазий в литературе рассматривается как латентный этап аддикции, этап формирования первичного зависимого паттерна, и не оценивается как признак синдрома психической зависимости [5]. Однако отдельными исследователями произвольное фантазирование, которое при парафилиях может сопровождаться мастурбаторной активностью, оценивается как своего рода суррогатная форма реализации аномальных желаний [1].

Кроме того, вторая часть критерия, касающаяся необходимости наличия у индивида дистресса из-за своего влечения, выводит из поля зрения специалистов целый спектр психосексуальной патологии, в том числе и социально опасных форм парафилий (садизм, педофилия) с эгосинтоническим к ним отношением, что лишает возможности пациентов получать соответствующую медицинскую помощь. По этой же причине крайне затруднительным становится предупреждение значительной части противоправных сексуальных действий.

Таким образом, в существующих классификациях делается акцент на аддиктивном поведении, что искусственно упрощает медицинский подход к данной проблематике и оставляет за рамками рассмотрения те клинические нарушения, которые наблюдаются еще до появления девиантного поведения, поскольку еще до первой реализации девиантной потребности у аддикта происходит формирование аномальных поведенческих схем на идеаторном уровне, в который вовлечены и психическая, и биологическая составляющие. Возможно, такой подход объясняется тем, что при обсуждении аддикций подразумевается в первую очередь импринтинговый механизм их формирования [3], сосредотачивая внимание специалистов на изучении именно поведенческой составляющей. Но именно такой подход позволяет лицам с эгосинтонным отношением к своему влечению оставаться вне поля зрения психиатра, хотя для таких индивидов риск совершения противоправных действий значительно выше, чем у лиц, имеющих критическое отношение к расстройству.

Кроме того, вследствие сохранения подобных критериев, предлагаемых зарубежными психиатрами, под вниманием специалистов оказывается узкий круг расстройств сексуальных предпочтений, клинические проявления которых характерны для уже сформировавшегося зависимого (аддиктивного) поведения. В то же время начальные этапы формирования парафилий оказываются за рамками научных исследований, хотя аддиктивные расстройства охватывают широкий спектр психопатологических состояний, и их структурно-динамические особенности до сих пор остаются малоизученными, требуя для своего исследования привлечения специалистов клинических (в области психиатрии, сексологии) и биологических дисциплин.

Во-вторых, в результате сохранения подобной диагностической логики возникает несколько принципиально значимых проблем, вытекающих из предыдущей и уже непосредственно касающихся правового поля.

Такой вариант классификации педофилии (педофилического расстройства) предполагает, что для точного установления диагноза необходимы доказательства аномальной сексуальной активности, и случае отказа индивида от предъявленного ему обвинения итоговое решение о наличии или отсутствии у него расстройства

сексуального предпочтения оказывается затруднительным. Однако представляется более целесообразным, чтобы даже при подобном отказе сохранялась возможность установления расстройства сексуального предпочтения на основании объективных показателей: паттернов возбуждения (при психофизиологическом обследовании), специфики психосексуального развития и функционирования, особенностей полового самосознания.

Поэтому возникает существенная проблема, касающаяся оценки потенциальной общественной опасности лиц, совершивших сексуальные преступления и прошедших принудительное лечение. Согласно Федеральному закону от 29.02.2012 № 14-ФЗ, при установлении индивиду расстройства сексуального предпочтения в виде педофилии, ему должно быть назначено принудительное лечение (ст. 97, п. «д» УК РФ), изменение или прекращение мер медицинского характера становится возможным лишь на основании заключения комиссии психиатров (ч. 1, ч. 2, ст. 102 УК РФ). Сложно представить, на чем в таком случае должно основываться заключение психиатра, если во время самого лечения индивид не имел возможности реализовывать аномальные сексуальные желания, а собственные психопатологические переживания он диссимулирует? То есть, возникают вопросы, каковы критерии оценки потенциальной общественной опасности и прекращения лечения.

В-третьих, сохранение подобной схемы диагностики вновь поднимает вопрос о нормальности/патологичности педофильного влечения, что переводит медицинскую классификацию уже в область культурной проблематики.

Вопрос о нормальности педофильного влечения является очень дискуссионным, что подтверждается многочисленными работами ученых, уже много лет ведущих друг с другом острую полемику [11, 13, 15, 16 и др.]. Кроме того, тема педофилии в последние годы вызывает широкое волнение и в обществе. Любая информация, затрагивающая детство и сексуальность в едином контексте, обречена стать поводом для многочисленных обсуждений, как в профессиональных кругах, так и на общественном уровне. С одной стороны оказываются целые группы людей, негативно оценивающие политику многих стран по ужесточению уголовной ответственности за сексуальные преступления в отношении детей, с другой – радикально настроенные члены общества, категорично осуждающие сексуальные контакты с детьми, отрицающие саму возможность наличия сексуальных желаний у ребенка до достижения им возраста согласия.

Но, даже если оставить в стороне общественную реакцию на проблему растления детей, научное сообщество тоже не имеет единого и согласованного мнения по поводу педофилии и ее клинико-диагностических критериев, в частности.

В работах некоторых ученых можно встретить утверждения, согласно которым «традиционные пуританские нормы сексуальной морали давно устарели», а «современное понятие педофилии как общественно опасного сексуального извращения... является порождением воинствующего пуританства и феминизма... и более связано с политикой» [5, с. 55]. Представления о ненормальности сексуальных контактов с детьми подвергаются сомнению, и высказывается точка зрения,

согласно которой «мощным сексуальным стимулом для педофилов является именно личность ребенка, духовное общение с ним» [5, с. 54].

В настоящее время существуют даже социальные движения, которые апеллируют к древним источникам, чтобы узаконить практику сексуальных контактов с детьми как современную форму педерастии¹, имевшей место в античности. Но в античные времена отношения детей со взрослыми несли в себе в первую очередь воспитательную функцию и вовсе не рассматривались с точки зрения сексуальной составляющей, поскольку в их функции не входило получение мальчиками сексуального опыта, а растление детей «в любом случае безоговорочно отвергалось» [2, с. 299]. В Древней Греции «половое сношение с мальчиками в нашем смысле этого слова, т.е. сексуально не созревшими детьми каралось, и порой весьма сурово» [2, с. 280]. Это связано с представлением греков о том, что препубертатные мальчики не имеют достаточных умственных способностей, чтобы в полной мере понимать, что они делают (Spencer C., 1995; цит. по [10]); кроме того считалось, что подобные сексуальные контакты останавливают рост и нарушают развитие признаков половой зрелости (Foucault M., Hurley R., 1988; цит. по [10]).

Наряду с примером античной педерастии, некоторые авторы приводят в качестве аргументов за естественность сексуальных контактов с детьми ритуалы инициации детей (7-10 лет) в культурах Океании, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии [5, 11]. Эти ритуалы основываются на вере, что подобная форма полового взаимодействия может передать мужское начало юному мальчику (Bleibtreu-Ehrenberg G., 1990; цит. по [5]) или ускорить его взросление, как – например – принято в племенах Энторо Папуа Новой Гвинеи (Bauserman R., Rind B., 1997; цит. по [5]). Также приводится пример общества Marquesas в Полинезии, где приняты даже публичные гетеросексуальные отношения между взрослыми и детьми препубертатного возраста, поскольку члены таких племен воспринимают это явление, как необходимое для развития ребенка (Suggs R., 1971; цит. по [5]).

Таким образом, некоторые исследователи предполагают, что в той или иной степени на современные общества можно экстраполировать культуры, в которых сексуальные отношения между детьми и взрослыми являлись/продолжают являться важной составляющей физического, интеллектуального и духовного развития ребенка. Однако конкретные обычаи существуют только в рамках системы верований и убеждений той или иной культуры. Уже приведенные примеры не имеют отношения к реальности современного передового общества: сексуальные контакты со взрослыми никак не способствуют росту и физическому развитию детей. Проводить подобные аналогии между недостаточно развитыми культурами, локальными языческими культурами и современностью неправомерно с учетом полученных научных данных о сексуальном развитии детей, а также изменившихся культурных и религиозных ценностей.

Тем не менее, многие работы, изобилующие аргументами из прошлого без их объективной оценки, во многом послужили основанием для внесения спорных уточнений в классификацию DSM-V (см. комментарии к диагностическим критериям

¹ Педерастия (от древне-греч. παις - «дитя», «мальчик» и ἐραστής - «любящий») - любовные или сексуальные отношения между взрослым мужчиной и мальчиком.

педофилии в статье одного из разработчиков DSM-V, [9]), которая увидела свет в 2013 году [7]. Американские психиатры дали следующее указание к диагностическим критериям педофилического расстройства: если такие индивиды «сообщают об отсутствии чувства вины, стыда или тревоги по поводу этих побуждений и функционально не ограничиваются их парафилическими импульсами..., и из их самоотчетов и юридически записанных историй следует, что они никогда не действовали в соответствии с их импульсами, то эти люди имеют педофилическую сексуальную ориентацию, но не педофилическое расстройство» [7, pp. 697-700]. Затем, в ответ на негативную реакцию общества, ассоциация принесла свои извинения, пообещав исправить досадную ошибку, и в скором времени сделала это, заменив слово «ориентация» на «интерес» [8]. В связи с этим стоит усомниться в целесообразности «слепого копирования» классификаций из одной страны в другую.

Подводя итог, можно сделать вывод, что сохранение в новой классификации подобных диагностических критериев в неизменном виде является результатом неоправданного желания избежать стигматизации индивидов, имеющих психическое расстройство в виде педофилии. И медицинская классификация, построенная подобным образом, не только создает целый ряд проблем клинко-диагностического и правового характера, но кроме того становится деструктивным инструментом для уже сложившихся в той или иной стране культурных ценностей.

Литература

1. Крылов В.И. Психология и психопатология воображения (эмоционально-мотивационная сфера и воображение). Часть II // Психиатрия и психофармакотерапия. 2012. № 4. С. 4-10.
2. Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 430 с.
3. Общая психопатология: пособие для врачей / Под ред. А.О. Бухановского, Ю.А. Кутявина, М.Е. Литвака. Ростов н/Д: Изд-во ЛРНЦ «Феникс», 2003. 416 с.
4. Сидоров П.И. Синергетическая концепция зависимого поведения // Наркология. 2006. № 10. С. 30-35.
5. Сидоров П.И., Дерягин Г.Б. Сексуальное поведение и насилие. М.: МЕДпресс-информ, 2007. 272 с.
6. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: БИНОМ, 2015. 648 с.
7. American Psychiatric Association. Paraphilic Disorders // Diagnostic and statistical manual of mental disorders, 5 edition. Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 2013. P. 697-700.

-
8. American Psychiatric Association. Statement on DSM-5 Text Error [Электронный ресурс], 2013. URL: <http://www.dsm5.org/Documents/13-67-DSM-Correction-103113.pdf> (дата обращения: 01.12.2014).
 9. *Blanchard R.* The DSM diagnostic criteria for pedophilia // *Archives of Sexual Behavior*. 2010. Vol. 39. № 2. P. 304-316.
 10. *Gentry J.* Ancient Pedophilia. Columbus, OH: The Ohio State University, 2009. 44 p.
 11. *Green R.* Is pedophilia a mental disorder? // *Archives of Sexual Behavior*. 2002. Vol. 31. № 6. P.467-471.
 12. ICD-11 Beta Draft [Электронный ресурс]. URL: <http://apps.who.int/classifications/icd11/browse/l-m/en> (дата обращения: 1.12.2014).
 13. *Moser C., Kleinplatz P.J.* DSM-IV-TR and the paraphilias // *Journal of Psychology & Human Sexuality*. 2006. Vol. 17. № 3. P. 91-109.
 14. *Reiersøl O., Skeid S.* The ICD Diagnoses of Fetishism and Sadomasochism // *Journal of Homosexuality*. 2006. Vol. 50. № 2/3. P. 243-262.
 15. *Seto M.* Is pedophilia a sexual orientation? // *Archives of Sexual Behavior*. 2012. Vol. 41. № 1. P. 231-236.
 16. *Studer L.H., Aylwin A.S.* Pedophilia: the problem with diagnosis and limitations of CBT in treatment // *Medical hypotheses*. 2006. Vol. 67. № 4. P. 774-7B1.
 17. *Wright S.* Depathologizing consensual sexual sadism, sexual masochism, transvestic fetishism, and fetishism // *Archives of Sexual Behavior*. 2010. Vol. 39. № 6. P. 1229-1230.

Diagnostic criteria for pedophilia: clinical, legal and socio-cultural issues

Demidova L.Yu., junior Research Associate, Laboratory of Forensic Sexology, Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction (lyubov.demidova@gmail.com)

Kamenskov M.Yu., PhD, Expert Sexologist, Senior Researcher Associate, Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction (m-kamenskov@mail.ru)

This article analyzes the diagnostic criteria for pedophilia (paedophilic disorder) in the context of developing the 11th version of the International Classification of Diseases and the recently released Guide to the Diagnostic and Statistical Mental Disorders, 5th revision. The paper discusses the feasibility of existing criteria and their impact on clinical diagnosis, assessment of public danger and socio-cultural values. We revealed that the second diagnostic criterion excludes from the field of view of the whole spectrum of specialists psychosexual pathology, where it is expedient to provide medical care, including the prevention of the worsening of symptoms and the commission of illegal acts. We also highlighted the problem of expert diagnosis of pedophilia (paedophilic disorder), which leads to such a formulation of the criteria, as well as the unreasonableness of such a formulation in terms of the public interest. We concluded that maintaining the new classification of these diagnostic criteria unchanged is rather the result of a desire to avoid unnecessary stigmatization of individuals with pedophilia.

Keywords: pedophilia, paedophilic disorder, classification of diseases, ICD, DSM.

References

1. *Krylov V.I.* Psihologija i psihopatologija voobrazhenija (jemocional'no-motivacionnaja sfera i voobrazhenie). Chast' II // Psihiatrija i psihofarmakoterapija. 2012. № 4. pp. 4-10.
2. *Liht G.* Seksual'naja zhizn' v Drevnej Grecii. M.: ZAO Centrpoligraf, 2003. 430 p.
3. Obshhaja psihopatologija: posobie dlja vrachej / Pod red. A.O. Buhanovskogo, Ju.A. Kutjavina, M.E. Litvaka. Rostov n/D.: Izd-vo LRNC «Feniks», 2003. 416 p.
4. *Sidorov P.I.* Sinergeticheskaja koncepcija zavisimogo povedenija // Narkologija. 2006. № 10. pp. 30-35.
5. *Sidorov P.I., Derjagin G.B.* Seksual'noe povedenie i nasilie. M.: MEDpress-inform, 2007. 272 p.

6. Tkachenko A.A., Vvedenskij G.E., Dvorjanchikov N.V. Sudebnaja seksologija. M.: BINOM, 2015. 648 p.
7. American Psychiatric Association. Paraphilic Disorders // Diagnostic and statistical manual of mental disorders, 5 edition. Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 2013. P. 697-700.
8. American Psychiatric Association. Statement on DSM-5 Text Error [Электронный ресурс], 2013. URL: <http://www.dsm5.org/Documents/13-67-DSM-Correction-103113.pdf> (дата обращения: 01.12.2014).
9. Blanchard R. The DSM diagnostic criteria for pedophilia // Archives of Sexual Behavior. 2010. Vol. 39. № 2. P. 304-316.
10. Gentry J. Ancient Pedophilia. Columbus, OH: The Ohio State University, 2009. 44 p.
11. Green R. Is pedophilia a mental disorder? // Archives of Sexual Behavior. 2002. Vol. 31. № 6. P.467-471.
12. ICD-11 Beta Draft [Электронный ресурс]. URL: <http://apps.who.int/classifications/icd11/hrowse/l-m/en> (дата обращения: 1.12.2014).
13. Moser C., Kleinplatz P.J. DSM-IV-TR and the paraphilias // Journal of Psychology & Human Sexuality. 2006. Vol. 17. № 3. P. 91-109.
14. Reiersøl O., Skeid S. The ICD Diagnoses of Fetishism and Sadomasochism // Journal of Homosexuality. 2006. Vol. 50. № 2/3. P. 243-262.
15. Seto M. Is pedophilia a sexual orientation? // Archives of Sexual Behavior. 2012. Vol. 41. № 1. P. 231-236.
16. Studer L.H., Aylwin A.S. Pedophilia: the problem with diagnosis and limitations of CBT in treatment // Medical hypotheses. 2006. Vol. 67. № 4. P. 774-781.
17. Wright S. Depathologizing consensual sexual sadism, sexual masochism, transvestic fetishism, and fetishism // Archives of Sexual Behavior. 2010. Vol. 39. № 6. P. 1229-1230.

Обзор книг, выпускаемых центром содействия реформе уголовного правосудия в помощь специалистам, работающим с правонарушителями

Дзядко Н. М., директор РОО Центр содействия реформе уголовного правосудия (ndziadko@gmail.com)

Старейшая в России правозащитная организация РОО Центр содействия реформе уголовного правосудия (год основания - 1988) представляет результаты своей издательской деятельности, адресованной специалистам, работающим в сфере социально-психологической и правовой помощи несовершеннолетним и взрослым. Это серия брошюр «Дети в тюрьме», изданная при поддержке ООД «Гражданское достоинство» в 2014 году в рамках проекта «Малолетка: правовой ликбез» с целью расширения представлений специалистов о личности подростков и пополнения их профессионального и методического багажа: «Наказан условно», «Подросток и его права», «Город будущего с тюрьмой и без тюрьмы», «Уроки права в воспитательной колонии. Методический сборник». Брошюры серии «Знай свои права!» адресованы людям, попавшим в беду, потенциальным жертвам казенного правосудия, тем, кто не имеет средств на дорогого адвоката. В брошюрах даются практические и юридические советы, приводятся образцы жалоб, обращений, ходатайств, рассматриваются конкретные случаи. Брошюры Центра содействия распространяются и высылаются бесплатно.

Ключевые слова: правонарушители, права заключенных, реабилитационный подход, восстановительная юстиция, правовая поддержка, социально-правовое сопровождение осужденных.

РОО Центр содействия реформе уголовного правосудия основан в 1988 году Валерием Абрамкиным (1946-2013), бывшим политзаключенным. Основная цель работы Центра - способствовать созданию гуманной и эффективной системы работы с правонарушителями, основанной на реабилитационном и восстановительном подходе при активном участии общества. Сотрудники Центра работают в наблюдательных комиссиях за соблюдением прав заключенных в местах принудительного содержания (ОНК) Москвы и Московской области; занимаются правовой поддержкой заключенных - издают брошюры серии «Знай свои права!» и проводят дистанционные правовые консультации по переписке; еженедельно готовят выпуск информационно-просветительской радиопередачи «Облака» (Радио России) «о заключенных, для заключенных, и для всех тех, кому небезразлична их судьба»; разрабатывают программу по созданию и распространению

информационных и методических материалов «Осторожно, тюрьма» для специалистов, работающих с несовершеннолетними, представителей общественных организаций и родителей, регулярно посещают воспитательные колонии - проводят творческие занятия и культмассовые мероприятия; оказывают гуманитарную поддержку и осуществляют социально-правовое сопровождение осужденных несовершеннолетних и женщин до и после освобождения.

Печатную продукцию Центра содействия условно можно разделить на две части – вот это взрослым, а это для подростков. Но темы часто пересекаются и дополняют друг друга: книжки «детской» серии будут полезны взрослым, которые занимаются с подростками – к примеру, сборник «Осторожно, тюрьма!», а взрослая серия «Знай свои права!» пригодится юным читателям, которые, к несчастью, оказались за решеткой («Как сохранить свое жилье» или «Правила переписки»).

Рис. 1. Серия «Дети в тюрьме»

Тему «Подросток в местах заключения» начал Валерий Абрамкин одноименной публикацией в 1997 году [1]. В настоящее время, эта книжка осталась в нескольких экземплярах в архиве Центра содействия, электронный вариант придется восстанавливать заново. Сборник примечателен тем, что прописывает программы и цели на долгие годы вперед: «помочь подростку, оказавшемуся в неволе, достойно пережить выпавшие на его долю испытания, лучше понимать свои права, сохранить не только свое физическое здоровье, но и найти в себе силы для духовного возрастания». Важно также не оставить без внимания юридические и правовые вопросы, которые являются сложными не только для подростков: Что такое естественные права человека? В чем особенность уголовного правосудия? Как обжаловать судебные ошибки?

Серия «Дети в тюрьме» (рис. 1) продолжила тему, начатую В. Абрамкиным, предоставив слово самим подросткам. По нашей просьбе они, как в обычной школе, отвечают на вопросы, пишут сочинения и эссе. И темы часто звучат совершенно не по-тюремному: «Самый хороший и самый плохой день в моей жизни», «Что такое счастье». А темы «Этапы» или «У меня был условный срок» можно раскрыть, только столкнувшись непосредственно с тюрьмой.

Не так давно вышли из печати последние сборники этой серии, которые были изданы в рамках проекта «Малолетка: правовой ликбез». При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от

18.09.2013 № 348-рп» и на основании конкурса, проведенного грантодателем ООД «Гражданское достоинство».

Помощь в подготовке публикаций оказали специалисты, работающие с трудными подростками, воспитанники и администрация Можайской и Новооскольской воспитательных колоний, СпецПТУ г. Кострома и др. Методическую поддержку оказала лаборатория ювенальных технологий МГППУ.

В сборниках использованы сочинения и рисунки воспитанников Новооскольской и Можайской воспитательных колоний из архива Центра содействия реформе уголовного правосудия. Сборники адресованы родителям, педагогам, социальным работникам, психологам – всем специалистам, работающим с несовершеннолетними, и в частности, сотрудникам КДН, ПДН, тем, кто занимается профилактикой и не только.

«Наказан условно» [2]

В настоящее время российское правосудие милосердно к несовершеннолетним правонарушителям: если статья не самая тяжелая - подросток получает условный срок, но в случае несоблюдения условий отбывания наказания или нового правонарушения – второй условный срок, а за ним может быть и третий.

«Подросток и его права» [3]

Сборник посвящен проблемам соблюдения прав подростков, основан на рассказах воспитанников российских воспитательных колоний, в которых, по словам Людмилы Улицкой, «правда о нас самих, о нашем обществе, о нашем государстве».

«Город будущего с тюрьмой и без тюрьмы» [4]

Сборник материалов по результатам занятий с подростками из воспитательных колоний в Можайске и Новом Осколе на тему «будущего» - какие будут города, как должна быть устроена общественная жизнь в будущем, как будут складываться отношения между людьми, что люди будут прощать друг другу, за что и как наказывать. Фантазии и реальные предложения.

«Уроки права в воспитательной колонии. Методический сборник» [5]

В брошюре представлен опыт РОО «Центр содействия реформы уголовного правосудия» по правовому просвещению несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях.

Рис. 2. Серия «Знай свои права!»

В 1992 году Центр содействия реформе уголовного правосудия выпустил книгу «Как выжить в советской тюрьме» («В помощь узнику»), значительная часть которой посвящена правам человека в системе уголовного правосудия. Весь тираж книги (60 тыс. экз.) быстро разошелся, более 40 тысяч книг бесплатно распространено среди заключенных и их родственников, отправлено по почте сотрудникам уголовно-исполнительной системы, правозащитникам, юристам. Это можно считать началом, провозвестником серии «Знай свои права». Мы получили множество откликов, в ответ публиковали отдельные главы, к примеру «Как сохранить здоровье в тюрьме», а в Центр продолжают поступать письма от заключенных и их родственников с различными вопросами и просьбами. Очень часто вопросы повторяются, и, понимая, что на каждое письмо ответить мы не можем, на многие вопросы мы отвечаем в брошюрах серии «Знай свои права!» (рис. 2). Эти брошюры, как правило, посвящены одной большой теме, например: «Порядок УДО», «Обжалование приговора в уголовном процессе», «Правила внутреннего распорядка» и т.д.

Брошюры, выпущенные в 2014 году:

«Нормы питания и вещевого довольствия в местах заключения» [6]

В брошюре собрана информация по материально-бытовому обеспечению заключенных и по нормам питания. Мы сделали извлечения информации из нормативных актов так, чтобы в этой брошюре сосредоточить информацию, полезную для большей части заключенных, содержащихся под стражей и в учреждениях УИС. Поэтому информация, касающаяся заключенных, проходящих лечение в стационарах, в ЛПУ, инвалидов, рожениц, несовершеннолетних, освобождающихся заключенных, здесь не приводится. Представлены документы по состоянию на 01.05.2014 г., опубликованные на сайтах правовых систем Гарант и Консультант-Плюс.

«Условно-досрочное освобождение. Новое в законодательстве» [7]

В брошюре собрана информация по одному из видов досрочного освобождения от назначенного судом наказания – условно-досрочное освобождение, которое известно всем осужденным и их родным под аббревиатурой УДО.

«Правила переписки» [8]

Брошюра знакомит с законодательными актами, регламентирующими переписку заключенных.

«Права заключенных-инвалидов» [9]

Право - это огромный массив информации. Все наши права отражены в законодательстве, а законодательство часто меняется, дополняется, проверяется судебной практикой. Данную брошюру мы предлагаем рассматривать как источник первичной и далеко не полной информации. В брошюре перечислены нормативные правовые акты, которые, на наш взгляд, помогут на первом этапе ознакомления с правами инвалидов, в частности с правами заключенных-инвалидов.

«Новое в апелляции» [10]

Законодатель постоянно вносит изменения и дополнения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. Важные для заключенных решения принимают Верховный и Конституционный суды. В данной брошюре собрана информация по последним наиболее важным новациям и наши рекомендации.

«Как сохранить свое жилье» [11]

Эта брошюра адресована человеку, у которого имеются юридические проблемы и желание их разрешить. Особенно она актуальна для тех, кто находится в местах лишения свободы и не имеет возможности оперативно получать информацию, связанную с гражданскими социальными вопросами. А решать эти вопросы и отстаивать свои права нужно не только активно, но и со знанием закона. Разобраться в законах и понять порядок действий по отстаиванию права на жилье поможет разбор в брошюре наиболее часто встречающихся ситуаций.

«Обжалование приговора в уголовном процессе 2013 год.» [12]

С 01 января 2013 г. вступили в силу существенные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Приняты эти изменения были Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации». В данный закон ещё до вступления его в силу были внесены изменения Федеральными законами от 06.11.2011 N 294-ФЗ и от 05.06.2012 N 54-ФЗ. И хотя от принятия изменений до начала их действия прошло два года, новая система обжалования приговоров вызывает вопросы.

«Постановления пленумов Верховного суда Российской Федерации 2013 год.» [13]

В брошюре собраны тексты постановлений Пленумов ВС РФ, принятых или изменённых в 2013 г.

«О применении судами изменений в Уголовном кодексе 2013 год» [14]

Верховный Суд РФ разъяснил вопросы, возникающие у судов в связи с применением УК РФ в редакции федеральных законов, принятых в 2011 году и направленных на либерализацию уголовного законодательства. Исчерпывающие ответы даны на многие вопросы.

«Из обзоров судебной практики Верховного суда РФ» [15]

В нашу общественную организацию приходят письма от осужденных с просьбой прислать судебную практику по интересующим их статьям УК РФ. В Уголовном кодексе больше трёхсот статей. Понятно, что невозможно ни физически, ни финансово распечатать для каждого просящего десятки решений Верховного Суда РФ. Поэтому мы сделали в этой брошюре выборку из обзоров судебной практики ВС РФ за 2012 г. Постарались подобрать решения ВС РФ по «массовым» статьям УК РФ. Верховный Суд РФ ежегодно выпускает обзоры поквартальные и тематические.

«Условно-досрочное освобождение» [7]

В брошюре рассказывается только об одном из нескольких, перечисленных в УК РФ способах освобождения от фактического отбывания наказания в местах лишения свободы. Это условно-досрочное освобождение (ст.ст. 79, 93 УК РФ). Правила и порядок применения этого вида освобождения указаны в УК РФ и УИК РФ и известны любому осужденному. Но не всегда их понимают правильно, да и суды зачастую допускают ошибки в своих решениях.

«Обращения в Европейский Суд по правам человека. Беседа с адвокатом Кариной Москаленко» [16]

Известный адвокат Карина Москаленко рассказывает о процедуре и практике подачи обращений в Европейский суд по правам человека, когда уже исчерпаны все возможности разрешения дела в российских судах всех инстанций.

«Постановления Пленума Верховного Суда РФ. В помощь осужденному» [17]

Достаточно часто в письмах, приходящих в нашу общественную организацию от заключённых, есть слова о том, что человек обращался во все инстанции, получил отрицательный ответ уже и от Председателя Верховного Суда РФ, а доказать свою невиновность или что в его деле были допущены процессуальные ошибки не смог. Конечно, человеку обидно, что нигде не вняли его, как он уверен, неоспоримым аргументам. Брошюра выпущена с целью помочь вам лучше понять свои права и, в случае необходимости, определить, на что опираться при их защите.

Довольно регулярно мы выпускаем новые сборники, узнать о которых можно на нашем сайте «Тюрьма и воля» <http://prison.org/>. Более того, каждую из этих книжек можно прочитать в электронном виде, приобрести совершенно бесплатно, позвонив по телефонам +7 495 621 10 24, +7 499 978 29 82 или отправив заявку по адресу sodeistvie@prison.org.

В следующем номере журнала мы планируем рассказать о изданиях, объединенных общей темой «Осторожно, тюрьма!», выпускаемых в рамках проектов, посвященных профилактике подростковых правонарушений и преступлений.

Литература

1. *Абрамкин В.Ф.* Подросток в местах заключения. – М.: Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997. – 120 с.
2. Наказан условно // Серия «Дети в тюрьме». – Выпуск 9. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2014. – 48 с.
3. Подросток и его права // Серия «Дети в тюрьме». Выпуск 10. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2014. – 64 с.
4. Город будущего с тюрьмой и без тюрьмы // Серия «Дети в тюрьме». – Выпуск 11. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2014. – 64 с.
5. Уроки права в воспитательной колонии: Методический сборник // Серия «Дети в тюрьме». – Выпуск 12. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2014. – 88 с.
6. Нормы питания и вещевого довольствия в местах заключения // Серия «Знай свои права!» // Сост. В.М.Фридман. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2014. – 48 с.
7. Условно-досрочное освобождение. Новое в законодательстве // Серия «Знай свои права!». Сост. В.М.Фридман. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2014. – 48 с.
8. Правила переписки. Административный регламент / Серия «Знай свои права!» // Сост. В.М.Фридман. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2014. – 60 с.
9. Права заключенных-инвалидов // Серия «Знай свои права!» // Сост. В.М.Фридман. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2013. – 80 с.
10. Новое в апелляции // Серия «Знай свои права!» // Сост. В.М.Фридман. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2013. – 20 с.
11. Как сохранить свое жилье: что нужно знать о ЖКХ? вопросы приватизации, наследственные дела // Серия «Знай свои права!» // Сост. В.М.Фридман. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2013. – 32 с.

12. Обжалование приговора в уголовном процессе // Серия «Знай свои права!» // Сост. В.М.Фридман. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2013. – 56 с.
13. Постановления пленумов ВС РФ в 2013 году // Серия «Знай свои права!» // Сост. В.М.Фридман. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2013. – 64 с.
14. О применении судами изменений в Уголовном кодексе // Серия «Знай свои права!» // Сост. В.М.Фридман. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2013. – 60 с.
15. Из Обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации / / Серия «Знай свои права!» // Сост. В.М.Фридман. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2013. – 36 с.
16. Обращения в Европейский Суд по правам человека. Беседа с адвокатом Каринной Москаленко // Серия «Знай свои права!» // Сост. Гордеева Е.А. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2012. – 52 с.
17. Постановления пленумов ВС РФ в 2013 году // Серия «Знай свои права!» // Сост. В.М.Фридман. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2013. – 64 с.

Review of books issued by Center for Promotion of Criminal Justice Reform to assist the specialists working with offenders

Dzyadko N. M., Director of the Centre for Prison Reform Facilitation, (ndziadko@gmail.com)

Russia's oldest human rights organization Center for Prison Reform Facilitation (founded in 1988) presents the results of its publishing activities addressed to professionals working in the field of socio-psychological and legal assistance to minors and adults. This is a series of brochures "Children in Prison", published with the support of the Russian Public Movement "Civil Dignity" in 2014 under the campaign "Youngster: Legal literacy" to rise the competence of experts on the identity of adolescents and replenish their professional and methodical luggage: "Punish conditionally" "The teenager and his rights", "City of the future with and without the prison", "Lessons of law in a juvenile correctional facility. Methodical collection". The booklet series "Know Your Rights!" is addressed to people in distress, potential victims of treasury justice, those who do not have the means to expensive lawyer. The brochures include practical and legal advice, examples of complaints, appeals, petitions, dealing with specific cases. Brochures are distributed free of charge.

Keywords: offenders, prisoners' rights, rehabilitation approach, restorative justice, legal support, social and legal support for prisoners.

References

1. Abramkin V.F. Podrostok v mestah zakljuchenija. – M.: Ohshhestvennyj Centr sodejstvija reforme ugolovnogogo pravosudija, 1997. – 120 p.
2. Nakazan uslovno // Serija «Deti v tjur'me». – Vypusk 9. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugolovnogogo pravosudija», 2014. – 48p.
3. Podrostok i ego prava // Serija «Deti v tjur'me». Vypusk 10. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugolovnogogo pravosudija», 2014. – 64 p.
4. Gorod budushhego s tjur'moj i bez tjur'my // Serija «Deti v tjur'me». – Vypusk 11. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugolovnogogo pravosudija», 2014. – 64 p.

5. Uroki prava v vospitatel'noj kolonii: Metodicheskiy sbornik // Serija «Deti v tjur'me». – Vypusk 12. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2014. – 88 p.
6. Normy pitaniya i veshhevoego dovol'stviya v mestah zakljuchenija // Serija «Znaj svoi prava!» // Sost. V.M.Fridman. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2014. – 48 p.
7. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie. Novoe v zakonodatel'stve // Serija «Znaj svoi prava!». Sost. V.M.Fridman. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2014. – 48 p.
8. Pravila perepiski. Administrativnyj reglament / Serija «Znaj svoi prava!» // Sost. V.M.Fridman. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2014. – 60 p.
9. Prava zakljuchennyh-invalidov // Serija «Znaj svoi prava!» // Sost. V.M.Fridman. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2013. – 80 p.
10. Novoe v apelljácii // Serija «Znaj svoi prava!» // Sost. V.M.Fridman. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2013. – 20 p.
11. Kak sohranit' svoe zhil'e: chto nuzhno znat' o ZhKH? voprosy privatizacii, nasledstvennye dela // Serija «Znaj svoi prava!» // Sost. V.M.Fridman. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2013. – 32 p.
12. Obzhalovanie prigovora v ugovnom processe // Serija «Znaj svoi prava!» // Sost. V.M.Fridman. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2013. – 56 p.
13. Postanovlenija plenumov VS RF v 2013 godu // Serija «Znaj svoi prava!» // Sost. V.M.Fridman. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2013. – 64 p.
14. O primenenii sudami izmenenij v Ugolvnom kodekse // Serija «Znaj svoi prava!» // Sost. V.M.Fridman. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2013. – 60 p.
15. Iz Obzorov sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii // Serija «Znaj svoi prava!» // Sost. V.M.Fridman. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2013. – 36 p.
16. Obrashhenija v Evropejskij Sud po pravam cheloveka. Beseda s advokatom Karinnoj Moskalenko // Serija «Znaj svoi prava!» // Sost. Gordeeva E.A. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2012. – 52 p.

17. Postanovljenija plenumov VS RF v 2013 godu // Serija «Znaj svoi prava!» // Sost. V.M.Fridman. – M.: ROO «Centr sodejstvija reforme ugovnogo pravosudija», 2013. – 64 p.

Особенности копинг-стратегий осужденных с различным уровнем жизнестойкости, состоящих на учете, как склонные к суициду

Колесникова А.И., выпускница кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (sinderella_91@mail.ru)

Дебольский М.Г., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (mdebolsky@mail.ru)

В работе показана актуальность дальнейшего изучения психологических механизмов, влияющих на суицидальное поведение осужденных, что позволит более эффективно осуществлять психопрофилактическую работу с данной категорией граждан. В качестве психологических механизмов рассматриваются особенности копинг-стратегий поведения осужденных с различным уровнем жизнестойкости. В настоящее время отсутствуют научно обоснованные исследования взаимосвязи данных механизмов с суицидальным поведением человека и осужденных в частности. Исследование проводилось на базе одного из исправительных учреждений Центрального федерального округа Российской Федерации. Теоретическую основу исследования составляли концептуальные подходы к изучению личности Д.А. Леонтьева, концепция жизнестойкости С. Мадди, научные представления о суицидальном поведении А.Г. Амбрумовой., В.А. Тихоненко, Г. В. Старшенбаум, современные исследования суицидального поведения осужденных. В статье проанализированы типичные копинг-стратегии поведения для осужденных, склонных к суицидальному поведению и контрольной выборки, показаны особенности проявления жизнестойкости у осужденных и взаимосвязь ее уровня с копинг-стратегиями поведения осужденных. В статье определены перспективные направления дальнейших исследований, направленных на снижение уровня суицидов среди осужденных.

Ключевые слова: суицид, копинг-стратегии, жизнестойкость, пенитенциарный стресс, осужденный.

По данным статистики ФСИН России и результатам научных исследований, уровень суицида среди осужденных продолжает расти, а, организация психопрофилактической работы не дает ожидаемых результатов [4, 5]. Данные тенденции наблюдаются не только в пенитенциарной системе России, но и за рубежом [8]. Изучением различных аспектов суицидального поведения осужденных занимались многие ученые (А.Г. Амбрумова, И.Б. Бойко, В.А. Верещагин, М.Г. Дебольский, М.П. Мелентьев, А.С. Михлин, А.П. Тищенко и другие [1, 3, 5, 6]).

Как известно, оказавшись в местах лишения свободы, многие осужденные испытывают «тюремный стресс», вызванный изменением условий жизнедеятельности, социального и правового статуса, ограничением личного пространства, возможностей удовлетворения потребностей, ситуацией неопределенности, необходимостью учитывать криминальную субкультуру, состоянием страха, фрустрации, чувством вины, раскаяния или агрессии. Важными психологическими механизмами, позволяющими осужденному выжить в сложных социальных условиях, адаптироваться к лишению свободы являются жизнестойкость и механизмы психологической защиты. В последнее десятилетие особенности совладающего поведения отдельных категорий осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях были предметом изучения в диссертационных исследованиях Штефан Е.Ф., Баламут А.Н. [2, 9]. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить исследованию совладающего поведения осужденных, склонных к суицидальному поведению.

Целью исследования является определение особенностей копинг-стратегий осужденных с различным уровнем жизнестойкости, состоящих на учете, как склонные к суициду.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи:

- Проанализировать типичные копинг-стратегии поведения осужденных;
- Выявить осужденных с различным уровнем жизнестойкости;
- Обобщить особенности копинг-стратегий осужденных с различным уровнем жизнестойкости.

Объект исследования: копинг-стратегии и жизнестойкость осужденных.

Предмет: особенности проявления копинг-стратегий и жизнестойкости у осужденных, состоящих на профилактическом учете, как склонных к суициду.

Теоретико-методологическую основу исследования составили социологическая концепция суицида Э. Дюркгейма, психологическая концепция суицида А.Г. Амбрумовой., В.А. Тихоненко, Г.В. Старшенбаум, концепция копинг-стратегий Т.Л. Крюковой, концепция жизнестойкости С. Мадди и теоретический подход к ее изучению Д.А. Леонтьева. В ходе исследования мы руководствовались следующими теоретическими положениями:

- Осужденные, состоящие на учете как склонные к суициду – это лица, имеющие повышенный уровень риска к аутоагрессивному поведению [5];

- Суицидальное поведение осужденных – это действия, направленные на нанесение какого-либо ущерба своему соматическому или психическому здоровью [1];
- Копинг – это психическая деятельность, способная сбалансировать требования среды и ресурсы человека [6];
- Жизнестойкость – это система знаний о себе, о мире, об отношениях, которая складывается из трех факторов: вовлеченность, контроль и уровень риска [7].

В ходе проведения исследования использовались методики: Тест «Жизнестойкости» С. Мадди, перевод и адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказова, опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана [6, 7]. Статистические значения эмпирических данных подсчитывались на основе U-критерия Манна – Уитни.

Эмпирический материал исследования: выборка осужденных мужского пола численностью 57 человек, отбывающих наказание в одной из исправительных колоний УФСИН России по Тульской области, из которых 27 человек состоят на учете, как склонные к суициду. Выборка являлась репрезентативной относительно общего контингента осужденных по видам совершенного преступления, возрасту и образованию.

В ходе исследования осуществлялась проверка следующих гипотез:

1. Копинг-стратегии осужденных, состоящих на учете, как склонные к суициду существенно отличаются от копинг-стратегий других осужденных.
2. Осужденные, состоящие на учете, как склонные к суициду, обладают более низким уровнем жизнестойкости чем другие осужденные.
3. У осужденных, не состоящих и состоящих на учете, как склонные к суициду, копинг-стратегии отличаются в зависимости от уровня жизнестойкости.

В соответствии с поставленной задачей проведено изучение копинг – стратегий осужденных с помощью опросника «Способы совладающего поведения» Р.Лазаруса и С.Фолкмана. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты исследования копинг-стратегий осужденных

Шкала	Ср. знач. для осужденных, состоящих на учете, склонные к суициду	Ср. знач. для осужденных, состоящих на учете, склонные к суициду	Уровень значимости, где $\alpha=0,05$
Конфронтационный копинг	45,733	56,296	0,000333
Дистанцирование	51,666	53,185	0,98724
Самоконтроль	44,566	44,222	0,9745
Поиск социальной поддержки	45,833	47,074	0,666
Принятие ответственности	46,233	47,444	0,625
Бегство/ избегание	52,233	51,814	0,755
Планирование решение проблемы	44,033	44,851	0,91
Положительная переоценка	46,6	46,555	0,57

Анализируя представленные выше данные, можно сделать вывод, что группы существенно отличаются лишь по применению стратегии конфронтационного копинга, а другие стратегии на статистически значимом уровне не отличаются. Однако у каждой группы заключенных выявляются несколько основных копинг-стратегий. Так для осужденных, не состоящих на учете, как склонные к суициду характерно дистанцирование (51,666), бегство/ избегание (52,233) и положительная переоценка (46,6). То есть осужденные (преступники), нередко преодолевают трудности путем ухода из сложившейся кризисной ситуации, снижая степень

эмоционального реагирования и отрицая существующую проблему. Тем не менее, положительная переоценка позволяет переосмыслить сложившуюся ситуацию и найти в ней стимул для личностного развития.

В вышеперечисленных копинг-стратегиях есть положительные и отрицательные стороны. Во-первых, снижение субъективной значимости происходящего снижает уровень эмоциональных реакций, которые могут фрустрировать человека, во-вторых, отрицание проблемы может уменьшить напряжение. И все же существует вероятность обесценивания ситуации и недооценки ее значимости, что может привести к неблагоприятным последствиям, отрицанию вины и отсутствию внутренних предпосылок для позитивных изменений (исправления).

Для второй группы заключенных, которые состоят на учете, как склонные к суициду, характерны конфронтационный копинг (56,296), дистанцирование (53,185) и бегство/избегание (51,814). Стоит отметить, что две стратегии совладающего поведения схожи с группой осужденных, не состоящих на учете. То есть второй группе так же свойственно отрицание проблемы, тактика ухода из сложившейся ситуации, тем самым снижая степень эмоционального реагирования. Так же выявлен конфронтационный копинг, который предполагает разрешение проблемы за счет нецеленаправленных действий, часто вызывающих отрицательные эмоции. Нередко, при использовании такой стратегии появляется враждебность к окружающим, трудность планирования и прогнозирования действий. Зачастую такое поведение можно считать мало адаптивным, поскольку мешает человеку адекватно воспринимать окружающую обстановку. Анализ полученных данных показывает, что существуют значимые различия в использовании конфронтационного копинга осужденными указанных групп. Чаще всего ее применяют осужденные, склонные к суициду. Использование данной стратегии неблагоприятно сказывается на их пребывании в местах лишения свободы.

Исходя из полученных данных, мы можем сделать вывод, что осужденные, не состоящие на учете, как склонные к суициду, часто применяют такую ресурсную стратегию поведения, как положительная переоценка, которая способствует положительному восприятию многих лично значимых событий в сложившейся кризисной ситуации. Возможно, благодаря именно этой стратегии поведения, многие осужденные справляются с трудностями, возникшими на их пути.

Для выявления уровня жизнестойкости осужденных использован тест «Жизнестойкость» С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой. Отдельное внимание уделялось трем составляющим жизнестойкости: вовлеченность, контроль и принятие риска.

Таблица 2

Результаты исследования жизнестойкости осужденных

	Ср. знач. для осужденных, состоящих на учете, склонные к суициду	Ср. знач. для осужденных, состоящих на учете, склонные к суициду	Уровень значимости, где $\alpha=0,05$
Общий уровень жизнестойкости	79,1	77,481	0,737
Вовлеченность	33,933	33,925	0,961
Контроль	30,5	30,185	0,866
Принятие риска	14,666	13,444	0,298

Результаты данного теста оказались весьма неожиданными. Исходя из представленных в таблице 2 данных, можно сделать вывод, что такие компоненты как вовлеченность и контроль не имеют различий между двумя группами и находятся на уровне нормы. То есть, осужденные убеждены в том, что борьба может повлиять на результат происходящего, поэтому активно включены в процесс своей жизнедеятельности и не ощущают собственной беспомощности и отверженности. А вот в компоненте «принятие риска» есть различия на уровне тенденции. Преступники, не состоящие на профилактическом учете, в большей степени рассматривают сложившуюся ситуацию, как способ приобретения опыта, усвоение новых знаний и их использование, в отличие от преступников, которые состоят на учете, как склонные к суициду. Полученные данные можно подтвердить тем, что для обычных осужденных характерна стратегия положительной переоценки. Эти два независимых компонента способствуют высокому уровню адаптации в кризисной ситуации.

Несмотря на это, уровень жизнестойкости у двух групп практически идентичен, однако, судя по отдельным параметрам, у осужденных, состоящих на

учете, как склонные к суициду, есть высокая тенденция к возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях.

Поскольку мы не выявили значимых различий в жизнестойкости между двумя группами нашей выборки, то разделили все показатели жизнестойкости на три уровня и проанализировали, какие копинг-стратегии характерны для осужденных соответствующего уровня. Мы обнаружили 12 человек с низким уровнем жизнестойкости, 35 со средним и 10 с высоким уровнем. Такое разделение представляется весьма важным, так как определенный способ совладания со стрессом может стать значимым фактором, повышающим суицидальный риск

Таблица 3

Результаты взаимосвязи между различными уровнями жизнестойкости и копинг – стратегиями осужденных

Шкала	среднее низкий уровень	среднее средний уровень	среднее высокий уровень
Конфронтационный копинг	57,33333	48,40000	51,00000
Дистанцирование	58,75000	50,71429	50,60000
Самоконтроль	49,16667	42,54286	45,20000
Поиск социальной поддержки	50,41667	45,48571	44,90000
Принятие ответственности	52,75000	44,71429	47,00000
Бегство-избегание	61,16667	50,60000	46,10000
Планирование решения проблемы	49,66667	40,51429	51,80000
Положительная переоценка	51,08333	45,28571	45,70000

Как видно с таблицы 3, для осужденных с низким уровнем жизнестойкости характерны конфронтационный копинг (57,33333), дистанцирование (58,75000),

бегство/избегание (61,16667) и принятие ответственности (52,75000). Первые три компонента схожи с главными копинг – стратегиями осужденных, состоящих на учете, как склонные к суициду. То есть преступники, обладая низкой жизнестойкостью, нередко преодолевают трудности путем ухода из сложившейся кризисной ситуации, снижая степень эмоционального реагирования и отрицая существующую проблему. Более того, стратегия бегства используется заключенными с низким уровнем жизнестойкости гораздо чаще и является, значим фактором суицидального риска. То же самое можно сказать и про конфронтационный копинг, а вот дистанцирование находится на уровне тенденции, то есть, наличие этой защиты не будет однозначно свидетельствовать о риске суицидального поведения. Кроме всего прочего, была выявлена новая тактика поведения - *принятие ответственности*, которая подразумевает признание своей роли в возникшей ситуации в сочетании с умеренной самокритикой или самообвинением. Однако выраженность данной модели поведения может привести к переживанию чувства вины и неудовлетворенности собственной жизнедеятельностью. На это накладывает возрастные внутренние напряжения из-за слабовыраженной жизнестойкости, что в свою очередь способствует мыслям о самоубийстве. Наше предположение подкрепляется данными нашего исследования (более половины осужденных, совершивших суицид в 2013 году, признавали свою вину и раскаялись в содеянном).

Вместе с вышеизложенными стратегиями, преступники используют такой копинг как положительная оценка и самоконтроль, правда, только на уровне тенденции. Положительную оценку мы уже рассматривали ранее и отметили ее благоприятное влияние на поведение личности в кризисных ситуациях. А вот применение второй тактики поведения можно рассмотреть с двух сторон. С одной стороны, она помогает сдерживанию эмоций и уменьшению их влияния на оценку ситуации, что способствует контролю поведения, но с другой стороны, у личности может выработаться стремление к сокрытию от окружающих своих переживаний и потребностей, что в итоге может привести к нарастанию внутреннего напряжения и аутоагрессии. Согласно статистическим данным ФСИН России за 2013 год 41,6% осужденных совершили суицид, поводом которого послужила ссора с родственниками [5]. Представляется, что эти цифры подтверждают предположение о скрытности осужденных и их высоком контроле над своими эмоциями, до определенного уровня. Примечателен тот факт, что стратегия поиска социальной поддержки не имеет различий между тремя группами осужденных с различным уровнем жизнестойкости, а вот планирование решения проблемы более всего характерно для осужденных с высоким уровнем жизнестойкости.

В заключении можно отметить, что преступники, обладающие низким уровнем жизнестойкости, чаще всего используют такие копинг-стратегии как конфронтация, бегство/избегание, дистанцирование и принятие ответственности. Иными словами, осужденные применяют неадекватные способы совладания в кризисной ситуации, которые приводят к потере смысла жизни, что порождает аутодеструктивное поведение.

Подводя итоги результатов исследования, можно сделать следующие выводы:

- Осужденным, состоящим на профилактическом учете как склонные к суициду, характерно применение конфронтационного копинга (значимое различие) дистанцирования и бегства/избегания, что не придает им сил для борьбы с кризисной ситуацией. Тогда как контрольной выборке (осужденные, не склонные к суициду), характерно применение такой ресурсной стратегии поведения, как положительная переоценка, которая способствует осознанию и положительных последствий для личности в сложившейся кризисной ситуации. Таким образом предположение, что осужденные, состоящие на учете, как склонные к суициду и лица, не состоящие на учете, имеют различия в использовании копинг-стратегий.

- Уровень жизнестойкости осужденных в обеих выборках, практически не отличается и соответствует норме. Наше предположение, что осужденные, состоящие на учете, как склонные к суициду, обладают низким уровнем жизнестойкости – не нашло подтверждения. Однако в компоненте «принятие риска» есть различия на уровне тенденции, т.е. осужденные, не состоящие на профилактическом учете, в большей степени рассматривают сложившуюся ситуацию, как способ приобретения опыта, усвоения новых знаний и их использование, в отличие от преступников, которые состоят на учете, как склонные к суициду. Представляется, что в перспективе следует расширить психодиагностический инструментарий на предмет проверки наличия значимых различий между уровнями жизнестойкости у разных категорий заключенных.

- Осужденные, состоящие на учете, как склонные к суициду, и обладающие низким уровнем жизнестойкости, чаще других применяют такие стратегии поведения, как конфронтационный копинг, дистанцирование и бегство/избегание, что негативно сказывается на их пребывании в местах лишения свободы. А осужденные, не состоящие на учете, как склонные к суициду, и обладающие высоким уровнем жизнестойкости, часто применяют такие ресурсные стратегии поведения, как положительная переоценка, самоконтроль и планирование решения проблемы, которые способствуют выявлению положительных моментов для личности в сложившейся кризисной ситуации. Следовательно, наше предположение о том, что у осужденных, не состоящих и состоящих на учете, как склонные к суициду, копинг-стратегии отличаются в зависимости от уровня жизнестойкости – подтвердилось.

В качестве перспективных направлений дальнейшего исследования следует указать необходимость разработки и апробации специализированных психопрофилактических программ для осужденных с низким уровнем жизнестойкости, с симптомами депрессии, с малоадаптивными стратегиями совладающего поведения, а также для лиц с шантажно-демонстративным типом поведения.

Литература

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации. – М., 1980. – 48 с.
2. Баламут А.Н. Психологическая помощь осужденным с пожизненными сроками отбывания наказания. Дис. ... канд. психол. наук. Вологда, 2007. - 228с.
3. Бойко И. Распространенность самоубийств в среде осужденных к лишению свободы // Человек: преступление и наказание. 1999. - № 2. - С. 14-17.
4. Дебольский М.Г., Кротова Д.Н. Профилактика факторов риска пенитенциарной преступности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. №3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63792.shtml> (дата обращения: 28.11.2014)
5. Дебольский М.Г., Матвеева И.А. Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. №3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63783.shtml> (дата обращения: 28.11.2014)
6. Лазарус Р. Стресс, оценка и копинг / Р. Лазарус. – М.: Медицина, 1984. – 131 с.
7. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. — М.: Смысл, 2006. — 63 с.
8. Лестер Д., Данто Б.Л. Самоубийство за решеткой. – Рязань: Стиль, 1994. – 190 с.
9. Штефан Е. Ф. Психокоррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках наказания . Дис. ... канд. психол. наук. Вологда, 2008. – 241 с.

Features coping strategies convicted with different levels of resilience are registered as suicidal

Kolesnikova A.I., a graduate of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (sinderella_91@mail.ru)

Debolsky M.G., professor of psychology and the legal rights, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Ph.D., associate professor (mdebolsky@mail.ru)

The paper shows the relevance of further study of psychological mechanisms that contribute to suicide convicted, suggesting that this would more effectively psychoprophylactic work with this category of citizens. As the features of the psychological mechanisms of coping strategies of behavior condemned with different levels of resilience. There is currently no evidence-based studies on the relationship of these mechanisms with suicidal behavior and convicted person in particular. The study was conducted on the basis of one of the prisons of the Central Federal District of the Russian Federation. Theoretical basis for the study were conceptual approaches to the study of personality DA Leontiev, the concept of resilience S. Muddy, scientific understanding of suicidal behavior AG Ambrumovoy., VA Tihonenko, GV Starshenbaum, modern studies of suicidal behavior convicted. The paper analyzes the typical coping strategies of behavior for prisoners who are prone to suicidal behavior and the control sample are shown resilience in particular manifestations of convicts and its relationship with the level of coping strategies of behavior of prisoners. The article identified promising areas for further research aimed at reducing the level of suicides among prisoners.

Keywords: suicide, coping strategies, resilience, stress penitentiary convicted.

References

1. *Ambrumova A.G., Tihonenko V.A.* Diagnostika suicidal'nogo povedeniya: Metodicheskie rekomendacii. – M., 1980. – 48 p.
2. *Balamut A.N.* Psihologicheskaja pomoshh' osuzhdennym s pozhiznennymi srokami otbyvaniya nakazaniya. Dis. ... kand. psihol. nauk. Vologda, 2007. – 228 p.
3. *Bojko I.* Rasprostranennost' samoubijstv v srede osuzhdennyh k lisheniju svobody // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 1999. - № 2. - pp. 14-17.
4. *Debol'skij M.G., Krotova D.N.* Profilaktika faktorov riska penitenciarnoj prestupnosti [elektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2013. №3. URL:

<http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63792.shtml> (data obrashhenija: 28.11.2014)

5. *Debol'skij M.G., Matveeva I.A.* Suicidal'noe povedenie osuzhdennyh, podozrevaemyh i obvinjaemyh v mestah lisheniya svobody [Elektronnyj resurs] // *Psihologija i pravo.* 2013. №3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63783.shtml> (data ohrashhenija: 28.11.2014)
6. *Lazarus R.* Stress, ocenka i koping / R. Lazarus. – M.: Medicina, 1984. – 131 p.
7. *Leont'ev D.A., Rasskazova E.I.* Test zhiznestojkosti. — M.: Smysl, 2006. — 63 p.
8. *Lester D., Danto B.L.* Samoubijstvo za reshetkoj. – Rjazan': Stil', 1994. – 190 p.
9. *Shtefan E. F.* Psihokorrekcija agressivnogo povedenija osuzhdennyh muzhskogo pola pri dlitel'nyh srokah nakazaniya . Dis. ... kand. psihol. nauk. Vologda, 2008. – 241 p.

Анализ заинтересованности образовательных учреждений города Москвы во внедрении школьных служб примирения и восстановительной медиации

Коновалов А.Ю., научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий Московского городского психолого-педагогического университета, руководитель направления «Школьные службы примирения» межрегионального общественного центра «Судебно-правовая реформа», председатель Ассоциации кураторов служб примирения и медиаторов г. Москвы (konov-a@yandex.ru)

Шпагина Е.М., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий Московского городского психолого-педагогического университета (shpaginaelena@yandex.ru)

Чиркина Р.В., кандидат психологических наук, заведующая научно-исследовательской лабораторией ювенальных технологий Московского городского психолого-педагогического университета, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (rimmach@bk.ru)

Аруин С.Ю., научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий Московского городского психолого-педагогического университета, руководитель Союза «Принятие-Доверие-Перспектива» (AVP), Дюссельдорф, Германия (vereinavp@yahoo.de)

Внедрение инновационных моделей и технологий, регулирующих систему отношений и дающих новые возможности для управления ситуациями социального риска – всегда процесс непростой, сопровождаемый сопротивлением новому в силу разных причин и мотивов. Не всегда эти причины и мотивы напрямую относятся к предлагаемым нововведениям. Чаще основой противодействия становится недостаточная осведомленность целевых групп о сути нововведений, или сложившиеся в них стереотипы реакций. Примирить противоречия, соотнести новые модели со сложившимися социальными практиками, подготовить целевые группы к восприятию ценностей, которые несут новые технологии, – вот задачи, решение которых позволит сделать внедрение новых технологий более продуктивным. На реализацию этих задач и направлено исследование психологических установок участников образовательных отношений к ценностям медиации и к использованию новых методов разрешения конфликтов в школе. В

статье также рассмотрены основные концептуальные положения восстановительного правосудия, на которых основаны модели «Школьных служб примирения».

Ключевые слова: школьные службы примирения, медиация, конфликт в школе, восстановительная медиация.

Конфликты в школе, а главное, способы урегулирования таковых, остаются главной проблемой педагогов и психологов во все времена. Негативные эмоции, обиды, захватывающие участников конфликта или спора, всегда дают отрицательный резонанс на общественную жизнь школы, влияют на ее психологический климат, на взаимоотношение учеников между собой, взаимоотношения с учителями и контакт с родителями, что в совокупности сказывается на качестве образования и желании ребенка учиться. Особое место в этих отношениях следует отвести ситуации, когда участник таких взаимоотношений вступает в «конфликт с законом».

Способы реагирования на конфликтные ситуации, в том числе и на конфликт с законом, когда есть «обидчик» и «жертва», могут быть различными. Это могут быть меры наказания, меры административного урегулирования, а могут быть и меры психолого-воспитательного воздействия, направленные на осознание причин и последствий конфликта всеми участниками.

Одним из эффективных способов разрешения споров и конфликтов в мировой и отечественной практике с давних времен являлась медиация. В контексте данной статьи под медиацией мы будем понимать «процесс, в рамках которого участники с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) разрешают конфликт. Медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости - о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций. В ходе восстановительной медиации важно, чтобы стороны имели возможность освободиться от негативных состояний и обрести ресурс для совместного поиска выхода из ситуации» [4, с. 2].

Концепция восстановительного правосудия (и шире – восстановительного подхода) существует сегодня в мире как система теоретических представлений и набор способов, процедур и приемов работы, используемых в ситуации преступления, конфликта, в обстоятельствах эскалации взаимонепонимания, отчуждения и напряженности в отношениях между людьми и всплеска насилия. Использование восстановительного подхода необходимо тогда, когда межчеловеческие отношения насыщаются ненавистью и мстительностью, которые обрывают возможность протекания нормальной человеческой жизни.

Восстановительное правосудие помогает людям самим исправить зло, причиненное конфликтами и преступлениями. Восстановительный подход в разрешении конфликтов и криминальных ситуаций с помощью медиаторов помогает реализовать важные для общества ценности: исцеление жертв преступлений, заглаживание вреда силами обидчиков, участие в этом процессе ближайшего социального окружения [3].

Положительный эффект от использования методов восстановительного правосудия на развивающуюся личность подростка отмечают многие исследователи. Так, например, британский исследователь Брайан Литтлчилд в своей статье, посвященной использованию медиации в работе с несовершеннолетними, вступившими в конфликт с законом, отмечает следующие изменения к лучшему в личностных характеристиках подростков, их поведении и отношении к правонарушению:

- получение и совершенствование навыков владения собой;
- повышение чувство ответственности;
- появление возможностей для жителей высказать их проблемы и чувства;
- чувство, что они были частью процесса;
- понимание, что у действий есть последствия;
- получение навыков управления конфликтом;
- появление большего сочувствия к другим;
- увеличение взаимоуважения [6].

В отечественной судебной практике техники примирения применялись давно. Так, например, в России с 1775 по 1862 годы действовали губернские совестные суды, созданные по указу Екатерины Великой. В Совестном суде рассматривали гражданские дела в порядке примирительной процедуры и некоторые уголовные (споры между родителями и детьми, преступления и правонарушения малолетних, невменяемых и т.п.). Совестный суд выработывал условия для примирения самостоятельно или через особых посредников. Если попытка примирения не имела успеха, то стороны для разрешения спора обращались в общие суды. На Руси традиционно существовал порядок урегулирования споров с помощью третейского суда. Данный суд в первую очередь стремился примирить стороны, и только в случае неудачи разрешал спор по существу. В 1803 г. министр юстиции Державин подготовил проект объединения третейского и совестного суда в целях способствования примирительным процедурам [2].

Методы восстановительной медиации применимы и в школе. В России в сфере образования уже более десяти лет существуют и развиваются «Школьные службы примирения». Работа данной службы, в которой участвуют и взрослые и дети, направлена на разрешение конфликтных ситуаций и правонарушений несовершеннолетних через переговоры, медиацию и примирение. Модель Школьной службы примирения разработана и внедряется в практику межрегиональным общественным центром «Судебно-правовая реформа» [2]. Развитие ШСП в школах Москвы также сопровождается и курируется научно-исследовательской лабораторией ювенальных технологий МГППУ.

Особенности данной модели заключаются в следующем.

1. Ее деятельность основана на парадигме восстановительного правосудия (восстановительной медиации), в центре внимания которой ответственность обидчика по отношению к жертве, состоящая в заглаживании им самим причиненного жертве вреда и восстановлении разрушенных отношений. Также важно, чтобы конфликтующие стороны перестали видеть друг в друге врага и поняли, как видит ситуацию противоположная сторона.

2. В Школьную службу примирения входят учащиеся, поскольку часть происходящих в образовательном учреждении конфликтов скрыта от взрослых, и помочь решить их могут только сверстники.

3. Школьная служба примирения может не только использовать восстановительную медиацию, но и привлекать школьное сообщество для урегулирования конфликтов в виде других восстановительных программ «Круг поддержки сообщества» и «Школьная восстановительная конференция».

4. В работе Школьной службы примирения большое внимание уделяется воспитательному результату, такому, как: осознанию участниками конфликта произошедшего события и последствий, принятию на себя ответственности за исправление случившегося, обсуждению вопроса «как сделать, чтобы подобное больше не повторилось».

5. Школьная служба взаимодействует с территориальной службой примирения и\или региональной ассоциацией восстановительной медиации.

6. Школьная служба примирения стремится распространить свои идеи и принципы, популяризирует их педагогам, ученикам и их родителям, проводит рекламные и обучающие мероприятия.

В 2011 году Московской городской межведомственной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав было принято Постановление о создании в каждом общеобразовательном учреждении Службы примирения. В 2012 году задача создания школьных служб примирения вошла в «Национальную стратегию действий в интересах детей на 2012-2017» и в «План первоочередных мероприятий до 2014 года по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы».

Однако несмотря на то, что примирительные техники для урегулирования конфликтов и споров существуют в отечественной и мировой практике уже давно, создание и внедрение «Школьных служб примирения» повсеместно является для нашего образования «новацией». Как известно, новшества часто сопровождаются психологическими барьерами, порождающими сопротивление со стороны участников процесса, которым «навязывают» новые формы работы. Для выявления отношения к созданию «Школьных служб примирения», а вернее сказать, установок по отношению к формам работы, основанным на принципах восстановительного правосудия, было посвящено исследование, проведенное сотрудниками НИЛ ювенальных технологий в 2012-13 учебном году.

В качестве рабочей гипотезы была выдвинута идея, что ценности медиации могут не поддерживаться абсолютным большинством лиц школьного пространства и различаться в разных категориях (ДЕТИ-ПЕДАГОГИ-РОДИТЕЛИ).

Исследование проводилось в течение 2012 года в трех общеобразовательных школах и колледже.

Всего в исследовании приняло участие 398 человек, из них: 290 детей и подростков в возрасте от 10 до 20 лет (73% от опрошенных); 59 родителей детей в возрасте от 7 до 17 лет (15% от опрошенных); 49 педагогов, работающих с детьми от 10 до 20 лет (12% от опрошенных).

В качестве методов исследования применялись: формально-логический метод, контент-анализ, опрос, беседа, интервью, констатирующий эксперимент, наблюдение, метод экспертных оценок, социологические методы научного познания и другие.

Для выявления установок в ситуации конфликта нами был разработан опросник, содержательная сторона которого основывалась на переработке концепции Гордона Бейзмора, изложенной в работе «Три парадигмы ювенальной юстиции» [1], в которой он сравнивает три модели работы специалистов: карательную (наказание), социальных услуг и восстановительную.

Опросник содержал пять тематических блоков. Первые три блока вопросов посвящены выяснению установок поведения в различных ситуациях конфликта в образовательном учреждении: 1) конфликт между учениками; 2) кража; 3) конфликт между учителем и учеником.

В свою очередь, в каждом из трех блоков содержатся различные по смысловому содержанию утверждения, которые:

1) выражают традиционную позицию в отношении наказания за проступок (нарушение, преступление);

2) указывают на то, что ребенок или его родители, либо педагог, должны самостоятельно решить ту или иную проблему (позиция невмешательства в конфликт);

3) показывают способ урегулирования конфликтов, который выражает ценности медиации: с помощью третьей независимой стороны (медиатора) организовать переговоры (встречу) обидчика и жертвы, где обидчик постарается признать и загладить свою вину перед жертвой, осознав содеянное, а жертва получит компенсацию материального и морального вреда, нанесенного ее в конфликте.

Четвертый блок вопросов-утверждений выясняет установку жертвы конфликта по отношению к действиям обеих сторон после него.

Первое утверждение в этой группе описывает уход от каких-либо внешних вмешательств и предлагает самостоятельное решение проблемы (уход, подавление).

Второе утверждение предлагает административно-организационный подход (расчет на администрацию школы).

Третье утверждение предполагает привлечение правоохранительных органов (традиционное наказание, запугивание).

Четвертое утверждение показывает подход, основанный на ценностях медиации, который предполагает, что обученный и беспристрастный посредник организует безопасную встречу между пострадавшим и обидчиком (если тот признает свою вину и раскаивается), где пострадавшему будут принесены извинения, заглажен причиненный вред и даны обоснованные уверения не повторять подобного в дальнейшем.

Последний, пятый блок вопросов касается прояснения пожеланий респондентов относительно выполнения роли медиатора окружающими их людьми различных профессий и статуса:

- а) психолог в школе;
- б) заместитель директора по внеклассной работе;
- в) авторитетный учитель;
- г) авторитетные родители;
- е) приглашенный специалист;
- ж) школьники средних и старших классов;
- з) иное (укажите, кто).

Исследование показало, что ценности медиации поддерживают в совокупности все категории опрошенных (ДЕТИ-ПЕДАГОГИ-РОДИТЕЛИ) от 34% опрошенных до 54%, в зависимости от содержания конфликтной ситуации:

- 45% опрошенных в ситуации конфликта «ученик – ученик»,
- 34% опрошенных в ситуации «школьная кража»,
- 54% опрошенных в ситуации конфликта «учитель – ученик».

В случае, когда выражается позиция жертвы по отношению к обидчику, 45% опрошенных подтверждают свою готовность работать над проблемой способами медиации.

Как видно из приведенных цифр, пятидесятипроцентный барьер удалось преодолеть только в случае конфликта «учитель – ученик». Это говорит о том, что на сегодняшний день не все готовы принять технологии медиации и требуется определенная подготовительная и разъяснительная работа для внедрения данной технологии в школе.

Кроме того из этих цифр видно, как содержание конфликта влияет на принятие методов медиации. В случае кражи, например, предпочтение отдается административным методам – так ответили 39% процентов респондентов.

Таблица 1

Распределение выбора утверждений, выражающих ценности медиации, среди различных категориях опрошенных (ДЕТИ-ПЕДАГОГИ-РОДИТЕЛИ)

Пункты вопросника, выражающие ценности медиации	ДЕТИ	ПЕДАГОГИ	РОДИТЕЛИ
<p>КОНФЛИКТ МЕЖДУ УЧЕНИКАМИ</p> <p>1,б) организовать встречу и безопасную коммуникацию между всеми участниками конфликта, на которой они сами (но при поддержке беспристрастного и обученного посредника) в результате переговоров найдут устраивающее их всех решение</p>	39%	88%	44%
<p>КРАЖА</p> <p>2,в) должна быть организована встреча и беседа обидчика с пострадавшим (при поддержке третьего беспристрастного и обученного посредника), на которой обидчик в спокойной атмосфере принесет пострадавшему извинения, постарается возместить нанесенный ущерб, а также обсудит, как избежать повторения подобного в дальнейшем</p>	37%	57%	5%
<p>КОНФЛИКТ МЕЖДУ УЧИТЕЛЕМ И УЧЕНИКОМ</p> <p>3,г) учитель и ученик должны иметь возможность объясниться и выяснить причины возникновения проблем, с помощью третьей беспристрастной стороны найти возможности выхода из ситуации.</p>	56%	53%	58%
<p>ДЕЙСТВИЯ ЖЕРТВЫ</p> <p>4,г) необходимо обученному и беспристрастному посреднику организовать</p>	40%	84%	58%

Пункты вопросника, выражающие ценности медиации	ДЕТИ	ПЕДАГОГИ	РОДИТЕЛИ
безопасную встречу между пострадавшим и обидчиком (если тот признает свою вину и раскаивается), где пострадавшему будут принесены извинения, заглажен причиненный вред и даны обоснованные уверения не повторять подобного в дальнейшем			

Таблица 2

Распределение выбора утверждений, выражающих традиционные методы разрешения конфликта, с помощью административных или социальных мер, среди различных категориях опрошенных (ДЕТИ-ПЕДАГОГИ-РОДИТЕЛИ)

Пункты вопросника, выражающие традиционные методы разрешения конфликта, с помощью административных или социальных мер	ДЕТИ	ПЕДАГОГИ	РОДИТЕЛИ
КОНФЛИКТ МЕЖДУ УЧЕНИКАМИ 1, а) взрослым (педагогам, психологам и пр.) как можно быстрее разобраться в конфликте и уладить его	28%	22%	10%
КРАЖА 2, б) к обидчику должны быть применены административные меры (вызов его родителей в школу, вызов ребенка на педсовет), а также применены меры воспитательного воздействия, с ним должны работать специалисты (психологи, социальные педагоги), ему должна быть оказана необходимая социальная помощь	34%	49%	56%
КОНФЛИКТ МЕЖДУ УЧИТЕЛЕМ И УЧЕНИКОМ 3, б) учитель должен найти «ключики» к взаимопониманию с учеником (самостоятельно, повышая педагогическое мастерство, или обратиться к психологу)	30%	65%	32%

Пункты вопросника, выражающие традиционные методы разрешения конфликта, с помощью административных или социальных мер	ДЕТИ	ПЕДАГОГИ	РОДИТЕЛИ
<p>ДЕЙСТВИЯ ЖЕРТВЫ</p> <p>4, б) надо обратиться в администрацию школы, поскольку администрация должна оказать ребенку необходимую поддержку и психологическую помощь</p>	30%	37%	31%

Пятый пункт анкеты-вопросника касался выбора медиаторов из числа окружения респондентов. Ответы распределились следующим образом:

- а) психолог в школе 60%;
- б) заместитель директора по внеклассной работе 20%;
- в) авторитетный учитель 30%;
- г) авторитетные родители 13%;
- е) приглашенный специалист 20%;
- ж) школьники средних и старших классов 23%;
- з) иное (укажите, кто) 7%.

Следует отметить, что ценности медиации в большей степени поддерживаются педагогическим составом учебных учреждений. Приблизительно одинаково относятся к применению методов медиации родители и дети. Наибольшее сомнение вызывает использование методов медиации и у детей и у родителей в ситуации кражи в школе. Здесь предпочтение отдается традиционным методам, используемым в школе – это обращение к администрации и руководству школы.

Вместе с тем, методы разрешения конфликтов путем медиации оказались самыми популярными. На втором месте по предпочтениям для использования были административные меры, включающие в процесс руководство школы, взрослых.

Самыми непопулярными оказались меры, направленные на привлечение правоохранительных органов.

Исследование также показало, что лица выбирающие ценности медиации в одной ситуации, чаще всего подтверждают эту позицию и в других выборах (выявлена прямая корреляционная зависимость между ответами). И наоборот, лица, предпочитающие административные меры, выбирают их и в других ситуациях.

Также выявлено, что чем старше ребенок, тем чаще он выбирает медиативный способ разрешения конфликта и пресечения краж.

Исследование подтвердило предположение, что разные группы (ДЕТИ – ПЕДАГОГИ – РОДИТЕЛИ), участвующие в конфликте и урегулировании его, имеют различные установки по отношению к ценностям медиации.

Наибольшую активность в поддержку медиации проявляют педагоги, понимающие воспитательную сторону данных методов, которые способствуют осознанию своей вины обидчиком и отказу от повторения социально неприемлемого поведения в подобных ситуациях в дальнейшем. Интересен тот факт, что несмотря на свои явные симпатии к ценностям медиации в случаях конфликта «ученик – ученик» (88%), в ситуации «кража» (57%) и в конфликте «учитель – ученик» (53%) мнение не столь явно выражено.

Вместе с тем исследование выявило, что более пассивную позицию по отношению к ценностям медиации занимают родители и дети и их мнение о целесообразности применения этих методов зависит от содержания ситуации конфликта.

Так в ситуации «кража» только 5% родителей выбрали медиативный метод решения проблемы, и 56% опрошенных из числа родителей предпочли все-таки административный метод наказания. Тогда как в других случаях, таких как конфликт «ученик – ученик» и конфликт «учитель – ученик», это было 44% и 58% соответственно.

Можно сделать вывод, что в случае, когда конфликт перерастает в преступление, то большинство родителей и детей мыслят стереотипно, отдавая предпочтение устоявшимся административным методам наказания.

Выявлено, что большинство опрошенных считает, что медиатором должен быть школьный психолог (60% опрошенных).

Дети также доверяют, но в меньшей степени, сопровождение разрешения конфликта авторитетному учителю (28% опрошенных) и школьникам средних и старших классов (23%).

Интересно, что чем старше ребенок, тем чаще он видит в качестве медиатора заместителя директора по внеклассной работе и авторитетного учителя. Также чем старше ребенок, тем реже он хочет видеть в качестве медиатора авторитетного родителя и наоборот. В данном случае просматривается отрицание авторитета родителя в подростковый период и акцентирование самостоятельности в выборе действий от них.

Родители солидарны с выбором детей: на первом месте – школьный психолог (75% опрошенных) авторитетному учителю доверяют 44% опрошенных, приглашенному специалисту – 27% опрошенных.

Педагоги видят на втором месте после психолога - заместителя директора по внеклассной работе - 57% опрошенных, авторитетного учителя - 33% респондентов.

Исследование показало, что все категории опрошенных (ДЕТИ – ПЕДАГОГИ – РОДИТЕЛИ) в большинстве случаев отдают предпочтение в выборе медиаторами сотрудникам школы, а не специалистам со стороны.

В целом исследование показало, что предстоит большая работа по продвижению понимания и осознания ценности этих технологий среди детей и родителей. На данный момент наиболее явными сторонниками этих методов разрешения конфликта, в том числе и с законом, являются педагоги.

Литература

1. Бэйзмор Г. Три парадигмы ювенальной юстиции // Восстановительная ювенальная юстиция: Сборник статей. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2005. – С. 67-99.
2. Коновалов А.Ю. Школьные службы примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / под общей ред. Карнозовой Л.М. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. – 253 с.
3. Лисицын В.В. Медиация - вперед?! [Электронный ресурс] // Вестник Арбитражного суда города Москвы, 2010. – URL: http://juristlib.ru/book_8355.html (дата обращения 12.10.2014).
4. Максудов Р.Р. Базовые элементы концепции восстановительной медиации* [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56613.shtml> (дата обращения: 19.10.2014).
5. Стандарты восстановительной медиации: Концепция и практика восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. – Выпуск 7. – М.: Центр «СПР», 2010. – 10 с.
6. Littlechild B. Restorative Justice, Mediation and Relational Conflict Resolution in Work with Young People in Residential Care // Practice: Social Work in Action, 21:4. – P. 229-240.

Analysis of the interest of educational institutions of the city of Moscow in the implementation of school services reconciliation and restorative mediation

Konovalov A.Y., Researcher Research Laboratory juvenile technologies Moscow State University of Psychology & Education, Head of "School Service of Reconciliation" inter-community center "Judicial and Legal Reform", the chairman of the Association of curators reconciliation services and mediators in Moscow (konovalov-a@yandex.ru)

Shpagina E.M., senior researcher at the Research Laboratory of juvenile technologies Moscow State University of Psychology & Education, PhD in Psychology (shpaginaelena@yandex.ru)

Chirkina R.V., Head of the Research Laboratory of juvenile technologies Moscow State University of Psychology & Education, assistant professor of psychology and the legal rights of legal psychology faculty Moscow State University of Psychology & Education, PhD in Psychology (rimmach@bk.ru)

Aruin S.Y., head of the Union "Decision-Trust Perspective» (AVP), Dusseldorf, Germany, Researcher, Research Laboratory of juvenile technologies Moscow State University of Psychology & Education (vereinavp@yahoo.de)

Introduction of innovative models and technologies, regulatory system of relations and give new opportunities to manage situations of social risk - always an easy process, followed by a new resistance for different reasons and motives. Not always these reasons and motives directly related to the proposed innovation. Often becomes the basis for countering the lack of awareness of target groups about the essence of innovation, or have developed in these stereotypes reactions. To reconcile the contradictions, the new models to correlate with traditional social practices, to prepare the target groups to the perception of the values that are new technologies - that's the problem, the solution of which will make the introduction of new technologies more productive. For the realization of these objectives and directed study attitudes of participants of educational relations to the values of mediation and the use of new methods of conflict resolution in school. The article also describes the main conceptual provisions of restorative justice, in which the model is based "school of conciliation."

Keywords: school service of reconciliation, mediation, conflict in school, restorative mediation.

References

1. *Bjejzmor G.* Tri paradigmy juvenal'noj justicii // Vosstanovitel'naja juvenal'naja justicija: Sbornik statej. – M.: MOO Centr «Sudebno-pravovaja reforma», 2005. – pp. 67-99.
2. *Konovalov A.Ju.* Shkol'nye sluzhby primirenija i vosstanovitel'naja kul'tura vzaimootnoshenij: praktičeskoe rukovodstvo / pod obshhej red. Karnozovoj L.M. – M.: MOO Centr «Sudebno-pravovaja reforma», 2012. – 253 p.
3. *Lisicyn V.V.* Mediacija - vpered?! [Jelektronnyj resurs] // Vestnik Arbitražnogo suda goroda Moskvy, 2010. – URL: http://juristlib.ru/book_8355.html (data obrashhenija 12.10.2014).
4. *Maksudov R.R.* Bazovye jelementy koncepcii vosstanovitel'noj mediacii* [Jelektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56613.shtml> (data obrashhenija: 19.10.2014).
5. Standarty vosstanovitel'noj mediacii: Koncepcija i praktika vosstanovitel'noj mediacii // Vestnik vosstanovitel'noj justicii. – Vypusk 7. – M.: Centr «SPR», 2010. – 10 p.
6. *Littlechild B.* Restorative Justice, Mediation and Relational Conflict Resolution in Work with Young People in Residential Care // Practice: Social Work in Action, 21:4. – P. 229-240.

Формирование клинико-диагностических компетенций у будущих психологов

Луковцева З.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (sverchokk@list.ru)

В статье описан опыт проведения клинико-диагностической практики для студентов-психологов. Структура, содержание и методика организации занятий рассматриваются с позиций компетентностного подхода, лежащего в основе современного образовательного процесса. В методологическом плане клинико-диагностическая практика предстает как ассистированный профессиональный рост, предполагающий активное погружение будущих психологов в пространство клинико-диагностической деятельности. Особое внимание уделено освоению практикантами базовых принципов организации и проведения клинико-психологического обследования, а также рефлексивному анализу студентами приобретаемого опыта. Описание логической преемственности этапов практики сопровождается характеристикой типичных трудностей, возникающих у студентов на каждом этапе, и способов наиболее эффективного преодоления этих трудностей. Приведены рекомендации для руководителей практики от факультета и базового учреждения, способствующие осмыслению опыта и осознанному формированию у студентов компетенций в сфере клинико-диагностической деятельности.

Ключевые слова: компетентностный подход, студенты-психологи, клинико-психологическая диагностика, производственная практика, клинический случай, взаимодействие с пациентом, рефлексия.

Компетентностный подход, определяющий концепцию современного образования, можно назвать «результат-ориентированным», поскольку он подразумевает подготовку к осуществлению определенных видов профессиональной деятельности. Обязательным становится рефлексивное приобретение учащимися опыта решения профессиональных задач в ходе производственных практик. Рассмотрим некоторые проблемы и возможности организации этого процесса на примере освоения будущими психологами клинико-диагностических компетенций.

Практика, проводимая в русле компетентностного подхода, есть исследование студентом проблемного поля профессии путем включенности в работу психологической службы базового учреждения. Если речь идет о клинико-диагностической практике, студент направляется в психиатрическую больницу, бюро медико-социальной экспертизы, психоневрологический интернат или иное учреждение, в котором ведется диагностическая работа с лицами, имеющими нарушения психического здоровья.

Анализируя формирование клинико-диагностических компетенций, можно обнаружить, что при изучении соответствующих аудиторных дисциплин студент-психолог прежде всего обращает внимание на различия между психиатрией и клинической психологией. Практика же становится моментом интеграции, обнаруживающим точки методического и методологического соприкосновения клинической психологии со смежными сферами. Значимость такой интеграции для профессионального становления специалиста трудно переоценить: «Так, в настоящее время в среде психиатров доминирует клинико-психопатологический феноменологический метод, который дополняется клинико-описательной (в основном, категориальной) методологией. С другой стороны, психологами все чаще используются психометрические и интерпретативные методы в ущерб идеографическим. Однако, в принципе, ничто не препятствует расширению спектра методов, которыми оснащены как психиатры, так и психологи» [3, с. 72].

Оказавшись на базе, студент устанавливает необходимые отношения с коллегами и пациентами, занимает и осознает собственную позицию по отношению к происходящему [4, 7, 9]. Помогая овладеть специальным социальным знанием, практика становится пространством самоопределения, формирования идентичности и субъектности студента в аспекте будущей профессиональной деятельности.

Каждое занятие – это принятие решений и осуществление выбора (от «какую методику лучше использовать?» до «моя ли это профессия?»). Деятельное погружение студента в рабочее пространство можно сравнить с психотерапевтическим процессом, а задачу руководителя практики обозначить как ассистирование. «Ассистированный моральный выбор» совершает клиент, поддерживаемый психотерапевтом при преодолении проблемной ситуации [6], и своего рода «ассистированный профессиональный рост» осуществляет студент, решающий первые в своей жизни реальные профессиональные задачи. Необходимо, чтобы степень сложности каждой задачи соответствовала «точке роста» и задавала направление дальнейшего совершенствования, и эти соображения предъявляют особые требования к методической подготовке руководителя. Однако, не менее важна возможность рефлексивного контакта, профессионального и человеческого общения студента с носителем мастерства. Если опыт не зафиксирован и не осмыслен в диалоге, самые яркие впечатления померкнут, и самые эффективные методики будут забыты [7].

Следует учитывать ограниченность времени, отведенного на клинико-диагностическую практику (как правило, речь идет о 2-4 неделях), при высокой специфичности осваиваемого материала. Опыт, накопленный Учебно-производственной лабораторией факультета юридической психологии МГППУ, позволяет сформулировать ряд рекомендаций по организации этого процесса.

До начала практики необходимо провести **установочную конференцию**, которая позволит не только ознакомиться с задачами и содержанием предстоящей работы, но и обсудить возможные сложности. Ведущий (как правило, преподаватель факультета) напоминает группе наименования классических трудов, посвященных методологии и методике клинико-психологической диагностики, принципы работы с пациентами, наиболее типичные дифференциально-диагностические запросы.

При **знакомстве** с местом прохождения практики студент погружается в пространство профессиональной деятельности учреждения, получает представление о контингенте пациентов и специфике работы психологической службы, узнает об особенностях взаимодействия психолога с другими специалистами (врачами, социальными работниками и т.д.). Первая встреча требует особой активности и внимательности, ведь это не просто фиксация сведений, сообщаемых руководителем, но диалог. Со своей стороны, руководитель практики актуализирует имеющиеся у будущих коллег представления о задачах клинического психолога, специфике и видах клиничко-психологической диагностики. Если эти представления фрагментарны и размыты, каждому студенту и группе в целом трудно увидеть свое место в решении задач, стоящих перед психологической службой учреждения. Структурируя общую картину работы службы, руководитель может взять за основу простейшую триаду практических задач «психогигиена – психопрофилактика – психологическое воздействие». В этом случае диагностические мероприятия удобно будет обсуждать как сквозные, пронизывающие и обеспечивающие все виды работы с клинически значимыми состояниями психики.

Познакомившись с базовым учреждением и определив реальные возможности своего участия в его работе, студент приступает к **демонстрационному этапу практики**. Данный этап включает такие виды работ, как наблюдение за процессом клиничко-психологической диагностики, протоколирование беседы психолога с пациентом и работы с конкретными диагностическими методиками, участие в клиническом разборе случая, составление заключения по результатам диагностики, а также рекомендаций по дальнейшей работе с пациентом.

В этой части практики возникает необходимость быстро и точно протоколировать процесс работы руководителя – от установления до завершения контакта с обследуемым. Основной задачей является четкая фиксация и квалификация феноменологии, и одновременно – улавливание стратегии и тактики работы психолога. Если студент концентрируется преимущественно на одном участнике диагностического взаимодействия, протоколирование становится односторонним. Поэтому руководитель заранее обсуждает с группой основные мишени наблюдения, феномены, имеющие диагностическую значимость, и оптимальную форму протоколирования (таблица, сплошной текст, схематичная фиксация и т.д.).

Проиллюстрируем сказанное фрагментом рефлексивного дневника студентки факультета юридической психологии: «Наш руководитель предоставила нам возможность в первый же день увидеть и проанализировать случай пациента. Но для того, чтобы успешно разобрать случай, мы должны были вспомнить основные понятия патопсихологии. Это задание, как показалось вначале, было несложным, но многое пришлось повторять заново. Я считаю, что это благоприятно отразилось на моей дальнейшей работе. У меня вызывало сначала страх, а потом неподдельный интерес то, что исследование мы будем проводить в самом отделении, то есть люди, находящиеся на лечении и могущие оказаться нашими будущими испытуемыми, находятся в непосредственной близости. Когда пациент вошел к нам в комнату, я приготовилась записывать всё и определять симптомы «на ходу». Оказалось, что это сделать очень трудно. Много записать не успеваешь, а определять симптомы «на ходу» может только уже опытный профессионал».

Основным результатом демонстрационного этапа практики становится формирование компетенций, обеспечивающих эффективное применение клиничко-описательных методов (наблюдения и беседы). Студент приобретает способность видеть не только отдельные симптомы, но и весь облик («хабитус») пациента, вчувствоваться в его состояние, присоединяться к его переживаниям, а также фиксировать собственные ощущения, возникающие в процессе взаимодействия. Это помогает воспринимать конкретную диагностическую ситуацию в контексте всей судьбы, биографии обследуемого [2]. Формируя у группы «контекстное» восприятие клинического случая, руководитель предлагает к обсуждению вопросы о возможных причинах и путях формирования выявленных нарушений, о комплаентности пациента, его ресурсах и возможностях дальнейшего оказания психологической помощи. В определенной степени такой опыт переориентирует студента с субъект-объектного «анализа случая» на субъект-субъектный, почти терапевтический, контакт с обследуемым. «Процесс познания болезненного состояния психически больного не может быть ограничен только логическим, рациональным знанием. В этом процессе важное значение имеет субъективная сторона познания, которая непосредственно зависит от человеческих параметров познающего субъекта, то есть врача, от его способности к интуиции, эмпатии, сопереживанию и рефлексии» [8, с. 99].

Если демонстрационный этап практики удался, студент настраивается на длительное взаимодействие с пациентами в ключе поддержки, поиска ресурсов, повышения качества жизни. Такой настрой может воплотиться в волонтерской работе на площадке базового учреждения [1], определить выбор темы дипломного исследования и направления дальнейшей профессиональной деятельности в целом.

Следующий этап практики подразумевает **самостоятельную работу студента** с несколькими пациентами, направленными к клиническому психологу для прохождения дифференциальной, экспертной или иной диагностики. Конкретизировать план работы с каждым пациентом следует с учетом запроса и сведений, предоставленных сотрудниками базового учреждения (врачами, социальными работниками и т.д.). В методическом отношении данный этап позволяет не только закрепить достижения предыдущего этапа в части владения клиничко-описательными методами, но и приобрести собственно диагностические (в узком смысле слова) компетенции. В методологическом же плане категориальное отнесение нарушений дополняется количественной оценкой. Очень важно соблюдать баланс между квалификацией и квантификацией выявляемой феноменологии, чтобы эти процессы обогащали и верифицировали друг друга.

Вот как описывает данный этап практики одна из студенток факультета Юридической психологии: «Больше всего мне помогло, что руководитель указывал, что мне нужно делать в начале исследования. Мы совместно просмотрели анамнез, меня научили делать из него нужные и правильные выписки, указали, как по анамнезу можно составить список необходимых вопросов и методик. Вышло так, что я затронула животрепещущую для больного тему семьи и нынешнего состояния. Во время рассказа о своей семье испытуемый прослезился, мне захотелось его пожалеть, однако я не знала, уместно ли это в данной ситуации, поэтому сдержалась. Думаю, что правильно поступила. Я была очень рада, когда в конце исследования испытуемый вместо одного человечка нарисовал мне целую семью, а когда он подписал всех, показалась, что я способна на чудеса! Не знаю, было ли это моим

.....

достижением или нашим общим, но мне показалось очень важным, что в конце исследования больной начал писать. В этот день я поняла две важные вещи: необходимо терпение, тактичность и толерантность к тому, что происходит с тобой и испытуемым, и что нельзя воспринимать испытуемого полностью бессильным».

В фокусе внимания руководителя и группы оказывается патопсихологический синдром. Студент осваивает мастерство системного качественного анализа имеющихся нарушений, учится обнаружению иерархии симптомов в структуре синдрома. Очень важно добиваться не просто правильной квалификации наблюдаемых феноменов, но и рассмотрения их в свете целостной картины всей психической деятельности пациента. Тогда, например, разноплановость мышления или «плато» на кривой воспроизведения 10-ти слов будут выступать не как изолированные симптомы, а как свидетельства нарушений мотивационной стороны психической деятельности. Иными словами, студенту предстоит «...описать, понять и концептуально объяснить значение различных психопатологических феноменов, исходя из представлений об их системной организации, динамических взаимосвязях и иерархической структуре» [3, с. 71].

Руководитель обращает внимание группы на соотношение данных, полученных с помощью различных диагностических инструментов. Особенно интересны в этом отношении методики, направленные на оценку состояния одной и той же психической функции (например, «Классификация предметных изображений» и «Исключение лишнего»), – имея сходное назначение, они могут давать весьма различные результаты.

Результаты диагностической работы обобщаются в заключении и рекомендациях по дальнейшему психологическому сопровождению обследованного. Формулирование рекомендаций может оказаться непростой задачей, если организационные обстоятельства не позволили подробно изучить опыт оказания психологической помощи, оказываемой пациентам на базе. В этом случае студенту следует дополнительно посоветоваться с руководителем, обратиться к соответствующей литературе [10]. Поиск информации и структурирование рекомендаций можно облегчить, ориентируясь на следующие вопросы:

- в какой форме предпочтительно проводить психологическую работу с данным пациентом?
- какие методы и методики психологической помощи были бы наиболее эффективными и в то же время безопасными, щадящими?
- возможно ли (и целесообразно ли) привлечение к работе семьи пациента?
- какие рекомендации следует адресовать психологу, которому предстоит работать с этим пациентом после выписки, в амбулаторных или диспансерных условиях?

Рекомендации должны носить обоснованный характер.

Результативность практики повышают несколько **аудиторных коинсультаций**, параллельных процессу работы на базе. Преподаватель, проводящий эти встречи, обеспечивает пошаговое обсуждение и обобщение процесса работы на

базе, а также интегрирует практические наработки с теми знаниями, которые были получены при освоении базовых аудиторных дисциплин (патопсихологии, психиатрии и т.д.).

Уровень сложности вопросов, обсуждаемых на консультациях, постепенно повышается от простых супервизий до проблемных семинаров. *Супервизии* основаны на представлении, обсуждении и анализе диагностического опыта. Объединившись в подгруппы по 3-5 человек, студенты выносят на супервизию наиболее интересные и сложные случаи. Каждая подгруппа описывает результаты наблюдения за пациентом, клинической беседы и применения конкретных методик. Сообщение завершается презентацией итогового заключения по данному случаю и должно быть настолько убедительным, чтобы преподаватель и студенты из других подгрупп, не работавшие с данным пациентом, могли ясно представить себе сам случай, логику диагностики и построения заключения. Затем обсуждаются обоснованность, полнота и экологичность программы обследования, корректность квалификации имеющейся феноменологии, информативность заключения и соответствие его стиля общепринятым требованиям. В соответствии с традициями клинических разборов [5], студентам из других подгрупп предоставляется возможность задать вопросы, уточняющие диагностическую картину, выдвинуть свои гипотезы и версии, предложить варианты дальнейшей работы с данным пациентом.

Проблемные семинары посвящены определенным научно-практическим проблемам патопсихологии (например, дифференциально-диагностическому значению выводов патопсихолога или влиянию фармакотерапии на результаты исследования психических процессов). Разумеется, основой обсуждения становится диагностический опыт, однако его анализ подкрепляется и опосредуется теоретическими знаниями, что требует от каждого студента поиска и проработки дополнительных литературных источников.

Практика завершается **рефлексивным анализом** происшедшего в группе (под руководством психолога и других специалистов базового учреждения), а также **итоговой конференцией**, проводимой на факультете. Совместная, ассистированная опытными коллегами рефлексия помогает обратить внимание как на переживания и впечатления, так и на приобретенные профессиональные возможности, возникшие затруднения и способы их разрешения. Организованный таким образом процесс обсуждения полученного опыта сообщает практике личностную значимость для каждого студента и открывает возможности для осмысления освоенного в аспекте будущей профессиональной деятельности.

Литература

1. Антохин Е.Ю., Будза В.Г., Горбунова М.В. Добровольцы в психиатрии – направление психосоциальной помощи душевнобольным (оренбургский опыт). Оренбург, 2012. 30 с.
2. Беккер И.М. Школа молодого психиатра. М., 2011. 424 с.

3. *Бобров А.Е., Довженко Т.Е., Кулыгина М.А.* Медицинская психология в психиатрии. Методологические и клинические аспекты // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. Т. 24. № 1. С. 70-75.
4. *Ирба О.С.* Компетентностный подход как условие профессиональной социализации личности студентов-психологов. Дис. ... канд. психол. наук. Воронеж, 2009. 189 с.
5. Клинические разборы в психиатрической практике / под ред. А.Г. Гофмана. 3-е изд. М., 2014. 638 с.
6. *Майленова Ф.Г.* Ассистированный моральный выбор и нравственная ответственность психолога-консультанта. Дис. ... докт. филос. наук. М., 2003. 412 с.
7. *Манухина Н.М., Хайт Ф.И.* Роль практики в обучении практических психологов // Журнал практического психолога. 2001. № 5-6. С. 127-134.
8. *Полищук Ю.И., Летникова З.В.* Диагностическое и терапевтическое значение врачебной эмпатии в психиатрии // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. Т. 23. № 3. С. 99-103.
9. *Прямикова Е.В.* Компетентностный подход в современном образовательном пространстве: функциональное и структурное содержание. Автореф. дис. ... докт. соц. наук. Екатеринбург, 2012. 38 с.
10. *Семенова Н.Д.* Методика для мотивирования пациентов к психосоциальной реабилитации // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Т. 20. № 1. С. 52-63.

Formation of clinical diagnostic competencies of future psychologists

Lukovtseva Z.V., assistant professor of clinical and forensic psychology faculty of legal psychology Moscow State University of Psychology & Education (sverchokk@list.ru)

The article describes the experience of the clinical diagnostic practice for students of psychology. Structure, content and methods of organization of classes are considered from the standpoint of the competency approach underlying the modern educational process. In terms of methodology, clinical diagnostic practice appears as Assisted professional growth, assuming an active dive future psychologists in the area of clinical diagnostic activities. Particular attention is paid to the development of trainees the basic principles of the organization and conduct of clinical and psychological examinations, as well as reflective analysis students gain experience. Description of the logical succession of stages is accompanied by a characteristic typical practice difficulties encountered students at each stage, and how best to overcome these difficulties. Recommendations for supervisors from the faculty and the host institution to facilitate comprehension of experience and conscious form the students' competence in the field of clinical and diagnostic activities.

Keywords: competence approach, students, psychologists, clinical and psychological diagnosis, manufacturing practices, clinical case, the interaction with the patient, reflection.

References

1. *Antohin E.Ju., Budza V.G., Gorbunova M.V.* Dobrovol'cy v psihiatrii – napravlenie psihosocial'noj pomoshhi dushevnobol'nym (orenburgskij opyt). Orenburg, 2012. 30 p.
2. *Bekker I.M.* Shkola mladogo psihatra. M., 2011. 424 p.
3. *Bobrov A.E., Dovzhenko T.E., Kulygina M.A.* Medicinskaja psihologija v psihiatrii. Metodologicheskie i klinicheskie aspekty // Social'naja i klinicheskaja psihiatrija. 2014. T. 24. № 1. pp. 70-75.
4. *Irba O.S.* Kompetentnostnyj podhod kak uslovie professional'noj socializacii lichnosti studentov-psihologov. Dis. ... kand. psihol. nauk. Voronezh, 2009. 189 p.
5. *Klinicheskie razbory v psihatricheskoj praktike / pod red. A.G. Gofmana.* 3-e izd. M., 2014. 638 p.
6. *Majlenova F.G.* Assistirovannyj moral'nyj vybor i npravstvennaja otvetstvennost' psihologa-konsul'tanta. Dis. ... dokt. filos. nauk. M., 2003. 412 p.

7. *Manuhina N.M., Hajt F.I.* Rol' praktiki v ohuchenii prakticheskikh psihologov // Zhurnal prakticheskogo psihologa. 2001. № 5-6. pp. 127-134.
8. *Polishhuk Ju.I., Letnikova Z.V.* Diagnosticheskoe i terapevticheskoe znachenie vrachebnoj jempatii v psihiatrii // Social'naja i klinicheskaja psihiatrija. 2013. T. 23. № 3. pp. 99-103.
9. *Prjamikova E.V.* Kompetentnostnyj podhod v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: funkcional'noe i strukturnoe sodержanie. Avtoref. dis. ... dokt. soc. nauk. Ekaterinburg, 2012. 38 p.
10. *Semenova N.D.* Metodika dlja motivirovanija pacientov k psihosocial'noj reabilitacii // Social'naja i klinicheskaja psihiatrija. 2010. T. 20. № 1. pp. 52-63.

Психологические аспекты симуляции бредаподобной симптоматики в экспертной практике

Морозова М.В., кандидат психологических наук, заведующая Отделением психологии ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ekspertiza21@mail.ru)

Савина О.Ф., кандидат психологических наук, Старший научный сотрудник лаборатории психологии отдела СПЭ в уголовном процессе ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России (psychol1@yandex.ru)

Кузнецов И.В., медицинский психолог, ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, отделение психологии (Kuznetcov28@mail.ru)

В статье рассматриваются актуальные для дифференцированной и научно обоснованной экспертной квалификации психологические аспекты симуляции бредового расстройства. Результаты, полученные при проведении экспериментального исследования направленными методиками лиц, симулирующих в процессе судебно-психиатрической экспертизы психическое заболевание, позволили на основании статистического, в том числе кластерного, анализа выделить специфичные для указанного контингента сочетания когнитивно-стилевых характеристик с особенностями мыслительной деятельности и творческого потенциала. Было установлено, что констелляция определенных когнитивных контролеров, особенностей процесса обобщения, уровня и качества фантазийной продукции, при наличии соответствующей мотивационной установки, является predisposition для формирования и предъявления бредаподобных построений. Авторами в качестве ведущих выделены: толерантность к нереалистичному опыту, средне-высокий уровень творческого потенциала, полнезависимость, которые, будучи сопряжены с различными особенностями интеллектуальной деятельности, способствуют созданию тех или иных квазибредовых концепций.

Ключевые слова симуляция, когнитивные стили, бредаподобная продукция, творческий потенциал.

В психиатрической экспертной практике проблема дифференциации психопатологии от ее симуляции всегда стояла достаточно остро. Разграничение бредовой и симулятивной бредеподобной продукции особенно важно в связи с их внешним феноменологическим сходством при диаметральном различии в экспертной оценке и, соответственно, юридических последствиях. Традиционно диагностика симуляции базируется на клинко-психопатологическом методе и теории патопсихологических симптомокомплексов [2], позволяющих на основании данных патопсихологического эксперимента выявить структуру истинных нарушений психической деятельности, соотносимых с конкретными психическими расстройствами, разграничивая их с нарочито предъявляемой продукцией.

Хотя первичным механизмом симулятивного поведения является мотивация, успешность этой деятельности обусловлена наличием определенных когнитивных и личностных составляющих подэкспертного. С развитием судебной и медицинской психологии стало возможным выявление психологических коррелятов бредеобразования, позволяющих дифференцировать психопатологическую продукцию от симулятивной. Среди различных форм симуляции значительно чаще стали предъявляться бредеподобные концепции [4], которые необходимо дифференцировать не только от психопатологии, но и с мировоззренческими, религиозными взглядами, астрологическими представлениями, проявлениями мистицизма и эзотерики в обыденном сознании, что присутствует как у психически здоровых, так и у лиц с психическими расстройствами. В последнее время данная тема практически не разрабатывалась клиницистами и осталась вне поля зрения медицинских психологов, несмотря на востребованность в практике более совершенных методов и критериев для диагностики симулятивного поведения. Указанное выше и определяет актуальность данного исследования.

Согласно клиническим представлениям [5], бредеподобные высказывания симулянтов как продукт вымысла по сравнению с психопатологической продукцией отличаются однообразием, отрывочностью, фрагментарностью, отсутствием развития фабулы, лишены специфичного для бредовых больных эмоционального и поведенческого сопровождения, при этом предъявление «необычных переживаний» носит театральный, настойчивый характер с проявлениями драматизации, помимо прочего, маскирующими неспособность детально описать отсутствующие в реальности переживания. Качественно отличаясь от бредовых образований, тем не менее, одной из ведущих predispositions симулятивной продукции, как и бреда, по мнению психологов [3], являются особенности функционирования когнитивной сферы, а также специфика фантазирования, способности к комбинированию и творческой переработке своего и чужого опыта, значимой и нейтральной информации.

Целью настоящего исследования было выявление когнитивно-стилевых характеристик и особенностей творческого процесса у лиц, симулирующих бредовую симптоматику.

Было обследовано 111 человек, направленных на судебную психиатрическую и комплексную психолого-психиатрическую экспертизы в ФГБУ «ФМИЦПН» Минздрава России, с бредеподобными высказываниями. Экспертной комиссией у 18

из них было квалифицировано наличие симуляции. Результаты обследования этой группы и являются предметом анализа в рамках настоящей статьи.

Основными методами исследования были биографический, в сочетании с клинико-психологической беседой, экспериментально-психологический, сопрягающийся с методом наблюдения, а также статистический. В экспериментально-психологический метод, помимо стандартного патопсихологического обследования в рамках экспертного освидетельствования с использованием патопсихологических функциональных проб, личностных опросников и проективных заданий, вошли и специально направленные методики: тест психодиагностики творческих способностей Торренса, Тематический апперцептивный тест, тест Чернильных пятен Роршаха, тест «Фигуры Готтштальда», «Сравнение похожих рисунков» по Кагану, Методика словесно-цветовой интерференции (тест Струпа). Полученные результаты подверглись статистической обработке при помощи пакета Statistica 7.0.

В качестве теоретической базы применялась теория деятельности, как наиболее релевантная и продуктивная при проведении настоящего исследования, а в качестве прикладной – теория когнитивных стилей. Указанный подход дал возможность анализировать интеллектуальную деятельность, как сложный процесс взаимодействия когнитивных, динамических, регуляторных, мотивационных составляющих, поскольку когнитивные стили являются формой интеллектуальной активности более высокого порядка, а индивидуализированные способы переработки информации тесно связаны с потребностями, мотивами, эмоциями. Из спектра предложенных исследователями [7, 8] когнитивных стилей было выбрано 5, что определялось их взаимодополняющим характером, отражающим различные феномены интеллектуальной деятельности: форму, способ переработки информации, predisposition индивидуального осмысления явлений действительности, динамические особенности и проявления контроля:

- полезависимость/полenezависимость (интегральная характеристика, связанная с восприятием, мышлением, мотивационной сферой, Я-позицией, особенностями взаимодействия с окружающими);
- узость/широта категории (операциональные и смысловые характеристики интеллектуального процесса);
- ригидность/гибкость познавательного контроля (динамическая и регуляторная характеристика деятельности, отражает возможность использования вариативных способов переработки информации в ситуации когнитивного конфликта);
- толерантность/нетолерантность к нереалистическому опыту (демонстрирует интеллектуально-личностную реакцию на перцептивную неопределенность, готовность воспринимать «невозможные» аспекты происходящего, опосредованно отражает некоторые проявления креативности: ориентацию на шаблоны, стандарты или легкость отхода от них);

• импульсивность/рефлексивность (мера соотношения ориентировочной, контрольной и исполнительной фаз в динамике деятельности и ее структуре, отражает содержание и качество интеллектуального процесса, его продуктивность, объем той информации, которую субъект собирает до принятия решения).

Помимо выделения базовых когнитивно-стилевых характеристик, существенными оказались общие показатели качества интеллектуальной продукции в рамках структурированных и проективных методик, а также творческого потенциала. Анализ особенностей творческого процесса определялся тем, что предъявление бредоподобной продукции симулянтами является результатом активного вымысла, поскольку у них отсутствуют собственные патологические личностные смыслы [5] – это и предполагает, на первый взгляд развитые фантазию и воображение. «Потенциал фантазирования» связан с реальным миром, зависит от «богатства и разнообразия прежнего опыта» [1, с. 24], особенностей потребностно-мотивационной сферы и интересов человека [6], а также интеллектуального и эмоционального факторов. Фантазии при этом проходят определенный круг своего развития: элементы, взятые из реальности, подвергаются сложной переработке и превращаются в продукты воображения, после чего воплощаются и возвращаются в виде конечного образа, изменяющего эту реальность.

В ходе проведенного нами исследования обратил на себя внимание тот факт, что среди изученного контингента лишь один человек не обнаруживал признаков психического расстройства, в то время как у большинства выявлялись «Органическое расстройство личности» (F. 07) и «Личностное расстройство» (F. 60-61), не исключаящие вменяемости. Это позволяет говорить о том, что нарочитое предъявление бредоподобной продукции в качестве защитной стратегии поведения выбирают лица с проблемами в аффективной сфере, а также с пониженными личностными и регуляторными ресурсами.

В экспериментально-психологическом исследовании субъекты достаточно опосредованы в поведении и реакциях, ориентированы на оценку их действий, результатов работы с психологом, улавливают нюансы взаимодействия, что свидетельствует о наличии у них способностей регулировать свое поведение в соответствии с собственными защитными установками. Они не обнаруживают грубых расстройств интеллектуальной деятельности, нарушений мотивационного компонента мышления и контролирующей функции, проводят мыслительные операции с преимущественным использованием существенных категориальных признаков объектов за исключением единичных случаев актуализации субъективных оснований; логические соотношения в основном устанавливаются и переносятся верно. Следует также отметить, что у данного контингента достаточно высокий уровень произвольного внимания, способность к его удержанию и, в то же время, переключению.

При работе с проективными методиками не отмечалось перцептивных искажений, создаваемая продукция свидетельствовала о четкости мышления и включенности эмоционального компонента в интерпретацию образов.

Творческий потенциал этих подэкспертных находится в континууме от низкого до высокого с преобладанием средне-высокого при хорошей разработанности и оригинальности фантазийных образов.

Повышенная тревога в большей части ситуативно обусловлена и не сочетается с агрессивными тенденциями, эмоциональным напряжением и ощущением опасности, которые проявляются преимущественно в зависимости от личностной диспозиции.

По когнитивно-стилевым характеристикам, исследуемые подэкспертные распределились следующим образом:

- 1) полнезависимые – 11 человек; 7 – полезависимые;
- 2) узость категорий – 17 человек; 1 – широта категорий;
- 3) ригидность – 14 человек; 4 - гибкость;
- 4) толерантность к нереалистичному опыту - 11 человек; 7 - нетолерантность;
- 5) импульсивность – 6 человек; 12 – рефлексивность.

Как видно из представленных данных, у лиц, симулирующих психическое расстройство, преобладающими из когнитивно-стилевых характеристик являются узость категорий, ригидность, рефлексивность, полнезависимость и толерантность к нереалистичному опыту.

При кластерном анализе выявлены взаимозависимые сочетания¹ когнитивных стилей, а также отдельных когнитивных контроллеров в их соотношении с творческим потенциалом и качественными особенностями процесса мышления. Наиболее информативной и обобщенной представляется дендрограмма (см. рис. 1) указанных выше когнитивно-стилевых характеристик, сопряжение которых с другими наиболее значимыми свойствами психической деятельности, не вошедшими в данную дендрограмму, будет также рассмотрено в рамках анализа полученных результатов.

¹ Толерантность к принятию нереалистичного опыта в целях большей дифференцированности оценок была подразделена на подкатегории: толерантность к принятию чужого нереалистичного опыта и продуцированию собственного.

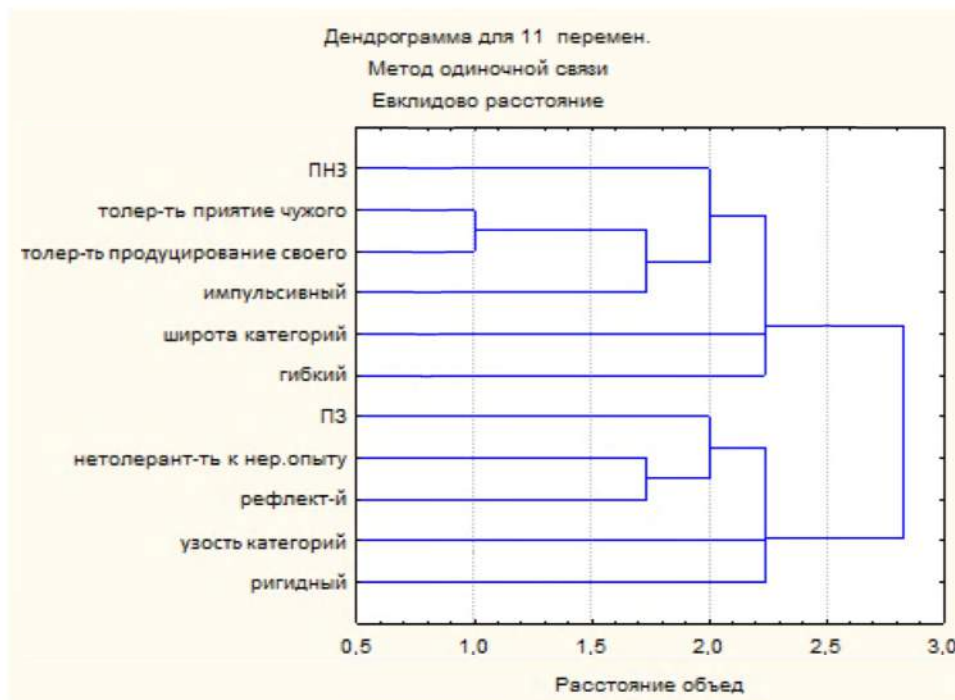

Рис. 1. Сочетание когнитивно-стилевых характеристик у лиц с симуляцией.

Как видно из рисунка, для лиц, предъявляющих симулятивную бредоподобную продукцию, характерно достаточно гармоничное сопряжение когнитивно-стилевых характеристик. Для них значимы сочетания узости категорий и ригидности либо с рефлексивностью и нетолерантностью к нереалистичному опыту, либо с толерантностью и импульсивностью.

Полнезависимый когнитивный стиль проявляется в отсутствии проекции бредоподобных построений в материал заданий в силу несоответствия аффективного фона их фабуле, легкости отвлечения от якобы актуальных переживаний. Лица с гибким контроллером чаще были склонны принимать заведомо нереальный опыт и реже – продуцировать свой собственный, что несколько обогащало фабулу их симулятивных построений, в то время как ригидные обнаруживали стремление руководствоваться рациональными суждениями на основе имеющегося жизненного опыта, что находило свое отражение в упрощенных, зачастую неразработанных концепциях.

Включение дополнительных характеристик в кластерный анализ позволяет связать стилевые характеристики с уровнем категоризации и особенностями творческого потенциала. Так, узость категорий сочетается с ориентацией на существенные свойства объектов, категориальным уровнем обобщений, ригидностью, которые, в свою очередь, обнаруживают взаимосвязанность с таким контроллером как полнезависимость. При этом полнезависимость образует значимые соотношения с гибкостью, высоким творческим потенциалом и толерантностью к нереалистичному опыту, в то время как низкий творческий потенциал сопрягается с полнезависимостью, нетолерантностью к нереалистичному опыту и рефлексивностью.

Такая когнитивно-стилевая характеристика, как узость категорий, обуславливает четкость и высокое качество обобщений при самостоятельности, способности абстрагироваться от «шумового» эффекта поля, его давления; обнаруживается взаимозависимость узости и с таким контроллером как рефлексивность.

Связь высокого творческого потенциала с гибкостью (4 человека) или ригидностью (14 человек) носит дополнительный характер: гибкость способствует легкости продуцирования собственной продукции, но и ригидность не препятствует этому при наличии толерантности к продуцированию нереалистичного опыта. В определенной степени сдерживает рост творческого потенциала рефлексивность, а также нетолерантность к выходящему за рамки стандартов и стереотипов опыту.

Такая когнитивно-стилевая характеристика, как широта категорий, находится во взаимозависимости с символизмом мышления, легкостью актуализации как малозначимых, так и сугубо конкретных признаков, а также с таким контроллером, как импульсивность. В то же время они сопряжены с полнезависимостью и толерантностью к нереалистичному опыту. Такое сочетание, в целом, характерно для незначительной части исследуемого контингента, но при этом соотносится с высоким творческим потенциалом, толерантностью к нереалистичному опыту.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что продуцирование симулятивных высказываний с сознательным построением концепций бредоподобного характера, зависит не от одного какого-либо доминирующего свойства психической деятельности, а от различных сочетаний в структуре организации когнитивной сферы, причем выраженность некоторых контроллеров (гибкость-ригидность) может «работать» как на высокий, так и на низкий творческий потенциал в случае различных сопряжений с другими характеристиками. Хорошее качество и разработанность творческой продукции у симулянтов базируются, прежде всего, на четкости и высоком уровне обобщений при толерантности к нереалистичному опыту и полнезависимости. В этом случае ни ригидность, ни развитый интеллектуальный контроль с опосредованностью решений не препятствуют, а способствуют фантазированию, которое носит не спонтанный характер, а вплетается в структуру хорошо организованной интеллектуальной деятельности (таких лиц большинство). Такая организация когнитивных стилей позволяет строить бредоподобные концепции, отличающиеся узостью внутреннего содержания при достаточной разработанности четкой схемы с упорным атрибутированием к ней поступающей информации. С учетом способности длительное время произвольно удерживать внимание и успешно его переключать при необходимости, вышеприведенное сочетание характеристик наиболее полно раскрывает механизмы симуляции в виде предъявления бредоподобных построений у большинства лиц исследуемого контингента. В случае же нетолерантности к маловероятному опыту, ригидность и рефлексивность являются барьерами на пути создания креативной продукции, вымыслы, подвергаясь внутреннему сомнению, утрачивают силу убедительности и относительной разработанности.

У симулянтов с широтой категорий, символизмом, импульсивностью при полнезависимости и толерантности к нереалистичному опыту, высокие показатели творческого потенциала возможны, но по структуре когнитивных составляющих базой для фантазийной продукции должно быть спонтанное продуцирование концептуальных построений, которые затем удерживаются и приобретают устойчивость за счет одного, но разнонаправленного контроллера ригидность-гибкость, обеспечивающего различные механизмы: «приспособления» декларируемых идей в рамки обыденных – в случае гибкости, или же настойчивого включения их в предъявляемую систему видения действительности – при ригидности. Представляется, что именно у данного контингента более выраженным будет эффект «личностного» сопряжения и вживания в собственные вымыслы.

Таким образом, наше исследование свидетельствует о том, что базой для симулятивного продуцирования бредоподобных концепций является различное сочетание когнитивно-стилевых характеристик с качественными и динамическими особенностями мышления и психической деятельности в целом. Это определяет разнообразие внутреннего наполнения, «качество», динамику, способы и стратегии предъявления «бреда», степень личностной интеграции с ним. Наиболее универсальными оказались такие характеристики как полнезависимость, толерантность к нереалистичному опыту, достаточный творческий потенциал, которые в зависимости от различных сопряжений создают разные виды predispositions, влияющие на индивидуальные особенности продуцирования нарочито необычных идей. При соответствующей установке именно наличие креативности позволяет симулянтам предъявлять неактуальные переживания как собственные. С учетом того обстоятельства, что фактически все симулянты обнаруживали различные варианты личностного расстройства, можно предполагать, что нестабильная аффективная сфера, проявления аффективной логики в личностно значимых обстоятельствах, также способствовали легкости принятия и реализации симулятивного поведения, как субъективно наиболее приемлемого способа защиты.

Полученные результаты важны как для понимания механизмов продуцирования бредоподобных идей с учетом когнитивных predispositions и ресурсов субъекта, способствующих выбору и эффективному продвижению стратегии симуляции бредовых расстройств при наличии соответствующей мотивационной установки, так и для более тонкой дифференциации симулянтов и лиц со сверхценными и бредовыми образованиями.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте. Психологический очерк. 3-е изд. М.: Просвещение, 1991. 93 с.
2. *Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С.* Психологические симптомокомплексы нарушений познавательной деятельности при психических заболеваниях: факторная структура и диагностическая информативность // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1989. Вып.6. С. 86-92.
3. *Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф.* Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М.: Издательство МГУ, 1991. 256 с.
4. Руководство по судебной психиатрии: Практ. пособие / под ред. А.А.Ткаченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2013. 966 с.
5. *Ткаченко А.А., Илюшина Е.А.* Дифференциальная диагностика бредовых и бредоподобных состояний: Методические рекомендации. М.: ФГБУ "ГНЦССП им. В.П. Сербского" Минздрава России, 2014. 27 с.
6. *Узнадзе Д.Н.* Теория установки: к изучению дисциплины. М.: Издательство "Институт практической психологии", 1997. 448 с.
7. *Холодная М.А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
8. *Witkin H.A., Oltman Ph. K., Raskin E., Karp S.A.* A Manual for the Embedded Figure Tests, Consulting Psychol. Palo Alto, CA: Press, Inc., 1971. P. 3-14.

Psychological aspects of simulation delusional symptoms in expert practice

Morozova M. V., Ph.D in Psychology, head of Psychological department of the V. P. Serbsky State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry of the Federal Agency of Healthcare and Social Development (*ekspertiza21@mail.ru*)

Savina O. F., Ph.D in Psychology, senior researcher at the Psychology laboratory of the Forensic psychological inquiry in criminal cases department of the V. P. Serbsky State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry of the Federal Agency of Healthcare and Social Development (*psyhol1@yandex.ru*)

Kuznetsov I.V., medical psychologist, Psychological department of the V. P. Serbsky State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry of the Federal Agency of Healthcare and Social Development (*kuznetcov28@mail.ru*)

The article considers relevant to the differentiated and science-based expert qualifications psychological aspects of simulation delusional disorder. The results obtained in the pilot study aimed techniques persons in the simulated forensic psychiatric mental illness allowed on the basis of statistical, including cluster, identify specific analysis of this contingent combination of cognitive-style characteristics with features of mental activity and creativity. It was found that certain constellation of cognitive controllers features the process of consolidation, the level and quality of fancy products with an appropriate motivational installation is predispozitciej formation and presentation of delusional constructions. The authors highlighted as key: tolerance unrealistic experience, medium-high level of creativity, polenezavisimsot which, when paired with various aspects of intellectual activity contribute to the creation of certain kvazibredovyh concepts.

Keywords: simulation, cognitive styles, delusional products creativity.

References

1. *Vygotskij L.S.* Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste. Psihologicheskij ocherk. 3-e izd. M.: Prosveshhenie, 1991. 93 p.
2. *Kudrjavcev I.A., Safuanov F.S.* Psihologicheskie simptomokompleksy narushenij poznavatel'noj dejatel'nosti pri psihicheskikh zabojevanijah: faktornaja struktura i diagnosticheskaja informativnost' // Zhurnal nevropatologii i psihiatrii im. S.S. Korsakova. 1989. Vyp.6. pp.86-92.
3. *Kritskaja V.P., Meleshko T.K., Poljakov Ju.F.* Patologija psihicheskoy dejatel'nosti pri shizofrenii: motivacija, obshhenie, poznanie. M.: Izdatel'stvo MGU, 1991. 256 p.

4. Simuljacija i dissimuljacija psihicheskikh rasstrojstv. Rukovodstvo po sudebnoj psihiatrii: Prakt. posobie / pod red. A.A.Tkachenko. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2013. 966 p.
5. *Tkachenko A.A., Iljushina E.A.* Differencial'naja diagnostika bredovyh i bredopodobnyh sostojanij: Metodicheskie rekomendacii. M.: FGBU "GNCSSP im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii, 2014. 27 p.
6. *Uznadze D.N.* Teorija ustanovki: k izucheniju discipliny. M.: Izdatel'stvo "Institut prakticheskoj psihologii", 1997. 448 p.
7. *Holodnaja M.A.* Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma. 2-e izd. SPb.: Piter, 2004. 384 p.
8. *Witkin H.A., Oltman Ph. K., Raskin E., Karp S.A.* A Manual for the Embaded Figure Tests, Consulting Psychol. Palo Alto, CA: Press, Inc., 1971. P. 3–14.

Этические проблемы использования психологических знаний в судопроизводстве в непроцессуальных формах

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ГБОУ ВПО МГППУ, руководитель лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный исследовательский центр психиатрии и наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации (safuanovf@rambler.ru)

В статье рассматриваются основные этические проблемы, возникающие при использовании психологических знаний в уголовном и гражданском судопроизводствах в непроцессуальной форме. Показаны правовые условия, способствующие нарушениям этики психологических исследований справочно-консультационного характера: состязательность и равноправие сторон, право адвокатов привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи. Раскрываются основные субъективные факторы нарушений этики психологических исследований: низкий уровень профессиональной компетентности психолога, игнорирование принципов независимости, объективности, конфиденциальности. Предлагаются пути преодоления этических проблем – формирование в процессе высшего и постдипломного образования этических компетенций, внедрение определенных алгоритмов взаимодействия психолога со стороной уголовного или гражданского процесса – заказчиком психологических услуг. Высказывается идея закрепления в законодательных или подзаконных актах регуляции некоторых видов непроцессуальных форм использования психологических знаний в судопроизводстве.

Ключевые слова: этические проблемы, специальные знания, справочно-консультативная деятельность психолога, профессиональная компетентность, независимость, конфиденциальность.

Формы использования специальных психологических знаний в уголовном и гражданском процессах. Сведущие лица в уголовном или в гражданском процессах — лица, обладающие специальными знаниями и навыками их применения, не заинтересованные в исходе дела, призванные следователем, судом для оказания содействия в установлении истины по делу в случаях, формах, определенных законом [1].

Специальные знания при расследовании преступлений в уголовном или гражданском судопроизводстве могут использоваться как в процессуальных, так и в

непроцессуальных формах. Процессуальные формы применения знаний сведущих лиц определяются Уголовно-процессуальным (УПК) и гражданским процессуальным (ГПК) кодексами Российской Федерации. Согласно им лицо, обладающее специальными знаниями (в том числе и в психологии), может выступать в качестве таких процессуальных фигур как эксперт и специалист. Кроме того, в УПК предусмотрена возможность и необходимость привлечения педагога или педагога-психолога к процедуре допроса в определенных случаях. Непроцессуальные формы сводятся к разнообразным видам справочно-консультативной деятельности психолога при взаимодействии со следственными или судебными органами.

Как указано в ст. 9 Закона о Государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, судебная экспертиза — процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, а заключение эксперта — письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом.

Возможно привлечение следователем лица, обладающего психологическими знаниями, в качестве не эксперта, а специалиста. Специалист может быть вызван как для участия в расследовании преступления, так и для участия в судебном разбирательстве. Основные функции специалиста-психолога — это участие в производстве процессуальных действий для содействия следователю в обнаружении доказательств и для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (в уголовном процессе) и дача консультаций и пояснений на основе своих профессиональных знаний (в гражданском процессе). Как видно, закон не ограничивает круг вопросов, по которым психолог в роли специалиста дает разъяснения или консультации. Как и эксперт, специалист обладает совокупностью определенных прав и обязанностей, несет уголовную ответственность по ст. 307 и 310 УК РФ. Однако коренное различие деятельности эксперта и специалиста заключается в том, что специалист дает заключение (письменное или устное), не проводя специального исследования.

В следственной и судебной практике возможны и другие формы использования специальных психологических знаний — в первую очередь справочно-консультационная деятельность. Это непроцессуальная, нерегулируемая законодательством деятельность психолога, действующего в качестве сведущего лица. Консультация психолога, составленные им справочные данные могут учитываться при вынесении различных процессуальных решений.

В последние годы практика привлечения психологов к доследственной проверке, предварительному следствию и судопроизводству в непроцессуальных формах получила достаточно широкое распространение. В качестве таких психологов, помимо сотрудников судебно-экспертных учреждений (СЭУ), привлекают работников любых учреждений, чаще всего педагогов-психологов или преподавателей учреждений системы образования, медицинских психологов

системы здравоохранения. В отличие от процессуальных форм использования психологических знаний, такого рода исследования, где психолог выступает в качестве консультанта и часто дает письменное заключение, нормативно никак не регламентированы. Такая практика порождает большое количество проблем, как правовых [3], так и этических, при взаимодействии психолога с правоохранительными и правоприменительными органами.

К наиболее распространенным видам справочно-консультативной деятельности психологов в судопроизводстве, порождающим как правовые, так и этические проблемы, относятся следующие:

- Определение целесообразности (необходимости) назначения экспертизы, выбор вида экспертизы и содействие при постановке вопросов эксперту.
- Участие психолога в доследственной проверке материалов. Чаще всего, это обследование несовершеннолетнего лица, предположительно ставшего жертвой изнасилования или насильственных действий сексуального характера.
- Обследование ребенка, реже – членов семьи и их взаимоотношений, психологами учреждений здравоохранения или социальной защиты по поручению органов опеки и попечительства (ООП) или истца (ответчика) при подготовке к судебному разбирательству по семейно-правовым спорам о воспитании детей.
- «Рецензирование» экспертных (судебно-психологических и комплексных психолого-психиатрических) заключений сведущими лицами, в качестве которых выступают в основном действующие эксперты, по запросу адвоката.

В основном консультативные заключения психологов даются в письменной форме и в той или иной форме могут использоваться как доказательства по делу в судебном процессе. Но, поскольку взаимоотношения в этом случае, в отличие от ситуаций использования психологических знаний в процессуальной форме (эксперт, специалист), между психологами и заказчиками заключений не регулируются УПК и ГПК, строятся в основном на договорной основе (с финансовым вознаграждением), во многих случаях возникают этические нарушения при проведении психологических исследований.

Этому способствуют как объективные правовые условия, в рамках которых возможно привлечение сведущих в психологии лиц к решению задач, стоящих перед процессуальными сторонами уголовного или гражданского процесса, так и субъективные факторы, коренящиеся в уровне компетентности и в степени приверженности этическим нормам психологов, дающих консультативные заключения.

Правовые условия, способствующие нарушениям этики психологических исследований. В первую очередь, наблюдаемое в последнее время широкое привлечение психологов сторонами процесса для решения разнообразных вопросов, вызвано изменениями принципов осуществления правосудия: одним из основных принципов является состязательность и равноправие сторон (ст. 12 ГПК, ст. 15 УПК). Отличительной особенностью состязательности является то обстоятельство, что «бремя доказывания» во многом лежит именно на сторонах процесса (ст. 35, 56, 57

ГПК, ст.86 УПК). Так, согласно ст. 56 ГПК, «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений ...».

Согласно п.4 ч.3 ст.6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», адвокаты вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, чем они часто и пользуются, особенно при «рецензировании» судебно-психологических экспертных заключений, выполненных в государственных СЭУ, при обследовании ребенка (и семейных взаимоотношений ребенка с родителем, с которым он проживает) на досудебной стадии.

Нарушения этики психологических исследований: основные субъективные факторы.

1. Профессиональная компетентность. Основной причиной нарушений этики исследований, проводимых психологами по запросу адвокатов и ООП, является непонимание ими собственной профессиональной некомпетентности. Эти психологи могут быть хорошими профессионалами в своей области (мы не берем вопиющие случаи, когда психологи составляют заключения по обследованию детей, не будучи специалистами в детской психологии, или применяют заведомо невалидные и ненадежные методы исследования, или опираются на спекулятивные ненаучные теоретические воззрения и т.п.), могут даже быть облечены высокими научными званиями и степенями, но они не понимают специфики использования профессиональных психологических знаний в судопроизводстве. Любые профессиональные знания формулируются в законодательстве как «специальные» применительно к целям судопроизводства.

Во-первых, специальные психологические знания обязательно включают в себя знания о юридической значимости диагностируемых психологом явлений, знания об их возможных правовых последствиях.

Во-вторых, их особенностью является то, что они не выступают как чисто теоретические — достижения теории психологии и различные методические средства психодиагностики и психологического анализа объекта исследования должны быть научно обоснованными, внедренными в практику и составлять часть профессионального опыта. Такое ограничение связано с тем обстоятельством, что в современной научной психологии существует множество общепсихологических и более специализированных теорий и концепций (одно их перечисление заняло бы объем настоящей статьи), эклектичное и некритичное применение которых не позволило бы использовать заключения психолога в целях установления истины по делу.

В-третьих, специальные знания психолога должны быть профессиональными психологическими, полученными в результате специальной подготовки (образования), и не пересекаться с юридическими знаниями: дело в том, что очень многие понятия, такие как личность, мотивы и др., являются объектом рассмотрения и в рамках права. По объему специальные знания психолога, проводящего исследования в юридическом контексте, должны включать профессиональные знания прежде всего в областях общей (в узком смысле),

клинической, возрастной (особенно детской и подростковой), социальной психологии, психодиагностики, а также знания психологических аспектов виктимологии, суицидологии, сексологии, наркологии, криминологии. Кроме того, в них входят основы таких дисциплин, как судебная психиатрия, уголовное и уголовно-процессуальное право, гражданское, семейное и гражданское процессуальное право (в объеме, необходимом для ориентировки в экспертной деятельности), теория и методология судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертизы (последний пункт особенно важен при оценке заключений судебных экспертиз). Именно такое представление о необходимых компетенциях положено в основу обучающих программ подготовки юридических психологов, и особенно – программ постдипломной подготовки судебно-психологических экспертов.

В результате многие заключения психологов, выполняющих исследования по запросу сторон судебного процесса, отличаются низким уровнем, оказываются выходящими за пределы компетенции психолога, особенно часто психологи невольно решают правовые вопросы. Например, пишут в заключении для ООП, с кем из отдельно проживающих родителей должен проживать ребенок, или, обследовав только ребенка и не обследовав одного из родителей, делают вывод о негативном влиянии этого родителя на психическое развитие данного ребенка и т.д.

2. Независимость и объективность. Проведение психологических исследований непроцессуального характера по запросу сторон (по запросу прокуратуры, следственного комитета, или напротив, адвоката) в уголовном и гражданском процессах по договору часто приводит к тому, что вместо стремления к достижению истины по делу психолог «обслуживает» интересы одной из сторон: так обследования членов семьи при судебном споре между родителями о воспитании ребенка сотрудниками психолого-медико-социальных и аналогичных центров нередко грешат односторонностью и выводами в пользу обратившейся стороны. Можно встретить в суде ситуации, когда каждая из сторон при разводе просит приобщить к делу заключение «своего» психолога, при этом психологические заключения, например, об отношении ребенка к каждому из родителей, носят прямо противоположный характер. С одной стороны, выполнение работ за финансовое вознаграждение (иногда существенно превышающее довольно низкие оклады психологов) невольно предполагает направленность выводов психологического исследования: трудно представить в таких случаях заключение не в пользу заказавшего исследование участника процесса. С другой стороны, в отличие от профессиональной деятельности эксперта и специалиста, жестко связанных требованиями процессуального законодательства, психологи, выполняющие исследования в непроцессуальном порядке, не должны выполнять определенные УПК и ГПК права и обязанности, у них нет уголовной ответственности за «заведомо ложное заключение» (ст.307 УК РФ). В случае вызова в суд на допрос для разъяснения своих заключений они имеют статус только «свидетелей», тогда как допросы психологов, привлекающихся к судопроизводству в процессуальной форме (экспертов и специалистов), выделяются в законодательстве как отдельные процессуальные действия.

3. *Конфиденциальность.* Многие уголовные и гражданские дела сопровождаются мощной компанией поддержки той или иной стороны в средствах массовой информации. Психологов, проводивших исследования за финансовое вознаграждение, часто просят дать комментарий в пользу стороны – заказчика услуг в прессе. У таких психологов, в отличие от экспертов, нет процессуальной обязанности «не разглашать сведения, которые ему стали известны в связи с участием в деле» (ст. 161 УПК), но должны быть внутренние ограничения. Особенно это касается участия в закрытых процессах, по гражданским делам, связанным с защитой интересов ребенка, или по преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Все описанные субъективные факторы нарушений психологами этических принципов и правил при проведении психологического исследования по запросу стороны уголовного или гражданского процесса взаимосвязаны и нередко сочетаются в конкретном деле.

Как бороться с подобными этическими нарушениями?

Во-первых, необходимо формировать у специалистов в области психологии субъективные этические ограничители, которые помогли бы разбираться в ситуациях взаимодействия с заказчиком психологических услуг вне процессуального поля. В частности, формирование этических компетенций является необходимым условием высшего и постдипломного образования психологов. И если в отношении психологического образования в целом такие компетенции могут заключаться в усвоении и реализации наиболее общих нравственных ценностей (служение истине и справедливости, беспристрастность, объективность, ответственность и пр.), зафиксированных в этических кодексах, то в отношении подготовки юридических психологов (и психологов других специализаций, принимающих участие в исследованиях, связанных с правоприменением) эти ценности должны быть конкретизированы в определенных этических принципах профессиональной деятельности. Например, такими принципами судебно-психологической экспертной деятельности выступают повышение своей профессиональной компетентности, личностный подход (уважением прав, чести достоинства подэкспертного лица), независимость (от лица или органа, назначающего экспертизу, от других участников процесса, от коллег-экспертов, от собственных политических, религиозных взглядов, личных предубеждений, иных непрофессиональных мотивов) [2].

Во-вторых, следование определенным этическим принципам обуславливает и процедуру (алгоритм) взаимодействия с заказчиком услуг психолога. Например, при просьбе отрецензировать судебно-психологическое или комплексное психолого-психиатрическое экспертное заключение нужно четко понимать, что экспертное заключение, как правило, устраивает только одну сторону уголовного или гражданского судопроизводства. Другая сторона часто обращается к специалистам-психологам (обычно к экспертам-психологам) с понятной целью дискредитировать имеющееся экспертное заключение (обычно оплачивая эти услуги). Этический выбор «специалиста» – принимать или не принимать подобные предложения. Для этого первым этапом взаимодействия с адвокатом должна быть устная консультация. Если при ознакомлении с экспертным заключением видно, что оно

действительно необоснованное и необъективное, можно переходить ко второму этапу – согласованию запроса адвоката с формулировкой вопросов к специалисту-психологу, сроков исполнения письменного заключения («рецензии») психолога, а затем к третьему – составлению письменного заключения. В противном случае необходимо разъяснить заказчику, что экспертное заключение соответствует критериям полноты, обоснованности, научности и т.д. и отказаться от выполнения его просьбы. При составлении заключения на проведенную судебную экспертизу также необходимо избегать этических нарушений, к которым чаще всего относятся следующие ошибки:

1. Психолог при оценке экспертного заключения, не проводя исследования, приводит собственные экспертные выводы. Он должен ограничиваться оценкой полноты и обоснованности экспертного исследования.
2. Психолог выносит оценочные суждения не только в отношении экспертного заключения, а в отношении самого эксперта.
3. Психолог демонстрирует тенденциозность позиции при оценке экспертного заключения в пользу заказчика.

В-третьих, целесообразно было бы закрепить в законодательных или подзаконных актах регуляцию некоторых видов непроцессуальных форм использования психологических знаний в судопроизводстве – например того же «рецензирования» судебно-экспертных заключений. На сегодняшний день такой путь преодоления этических нарушений намечен только в отношении судебно-экспертной деятельности. В проекте Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» наряду с аттестацией сотрудников государственных СЭУ на право самостоятельного производства судебной экспертизы предусмотрена и сертификация судебного эксперта, не являющегося работником государственного СЭУ, которая должна подтверждаться каждые 5 лет. Согласно проекту данного закона должен быть введен Государственный реестр судебных экспертов, не являющихся работниками государственных СЭУ, куда будут включаться только сертифицированные специалисты. Орган или лицо, назначающее судебную экспертизу, согласно данному проекту, не будут иметь право поручать производство экспертизы лицам, не включенным в данный реестр.

В отношении же взаимодействия психолога со сторонами уголовного или гражданского судопроизводства в непроцессуальной форме на сегодняшний день единственным регулятором имеющихся проблем является внутренняя этическая позиция самого психолога.

Литература

1. *Махов В.Н.* Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – 296 с.
2. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. – М.: Гардарики, Смысл, 1998. – 192 с.

3. Сафуанов Ф.С. Непроцессуальные формы использования психологических знаний в деятельности правоохранительных и правоприменительных органов // Психология и юриспруденция в динамично изменяющемся мире. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 336-346.

Ethical issues of using psychological knowledge in the proceedings of the non-procedural forms

Safuanov F.S., Head of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Head of the Laboratory of Psychology FGBU "Federal Research Centre of Psychiatry and Addiction" of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)

The article discusses the main ethical problems arising from the use of psychological knowledge in the criminal and civil proceedings in the form of non-procedural. Showing legal environment conducive to violations of ethics of psychological research reference and advisory nature: equality of the parties, the right of lawyers to draw on contractual basis to clarify issues related to the provision of legal aid. Reveals the main subjective factors of psychological research ethics violations: low level of professional competence psychologist, ignoring the principles of independence, objectivity, confidentiality. Suggests ways of overcoming the ethical issues - in the process of formation of graduate and postgraduate education of ethical competence, implementation of certain algorithms psychologist interaction with the side of a criminal or civil process - customer psychological services. It is proposed to consolidate legislation or regulations regulating certain kinds of non-procedural forms of use of psychological knowledge in the proceedings.

Keywords: ethical issues, expertise, reference and advisory activities psychologist, professional competence, independence and privacy.

References

1. *Mahov V.N.* Ispol'zovanie znaniy svedushhih lic pri rassledovanii prestuplenij. – M.: Izd-vo RUDN, 2000. – 296 p.
2. *Safuanov F.S.* Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza v ugolovnom processe. – M.: Gardarika, Smysl, 1998. – 192 p.
3. *Safuanov F.S.* Neprocessual'nye formy ispol'zovanija psihologicheskikh znaniy v dejatel'nosti pravoohranitel'nyh i pravoprimeritel'nyh organov // Psihologija i jurisprudencija v dinamichno izmenjajushhimsja mire. – M.: Izd-vo RUDN, 2012. – pp. 336-346.

Актуальные вопросы психологического исследования материалов по делам, связанным с проявлениями экстремизма

Секераж Т.Н., кандидат юридических наук, заведующая лабораторией судебной психологической и лингвистической экспертизы Федерального бюджетного учреждения Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России) (sekerazh@sudexpert.ru)

Статья посвящена проблеме методического обеспечения психолого-лингвистического исследования «экстремистских» материалов. Представлен комплексный психолого-лингвистический подход к экспертизе информационных материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, и отдельные положения методики, разработанной в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. На основе анализа «вербальных» преступлений, связанных с уголовно-правовой трактовкой экстремизма и терроризма, выделены типы запрещенных для публичного выражения коммуникативных действий, соответствующих семи типам «экстремистских» значений. В статье обозначены основные особенности психологического анализа «экстремистских» материалов, этапы исследования. Показано, что комплексный (психолого-лингвистический) подход к исследованию материалов экстремистской направленности, является научно обоснованным, методически апробированным, целесообразным, соответствует потребностям правоохранительных органов, судебной и следственной практики.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, психолого-лингвистическая экспертиза, экстремистские материалы.

Один из основных акцентов при оценке содержания и направленности экстремистских материалов сегодня сместился в область применения специальных знаний [2, 3, 4, 13, 14, 15, 21, 23]. Методическая обеспеченность производства экспертизы «экстремистских» материалов, как ранее не раз отмечалось, должна соответствовать высокому спросу на такие исследования со стороны правоохранительных органов и судов, а также сложности и очевидной междисциплинарности самих исследований. Развитие методического обеспечения судебно-экспертной деятельности по данному направлению изначально было связано с нашей концепцией, суть которой состоит в комплексном психолого-лингвистическом подходе [18]. Комплексный подход был реализован в методическом издании «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием

экстремизму» [21]. В дальнейшем в результате апробации и внедрения методического подхода [22], методика была существенно доработана, в том числе с учетом новаций в законодательстве, унифицирована.

Уточним, что основными особенностями информационного материала (текста и др.), которые имеют юридическое значение и признаки которых могут быть установлены с помощью специальных, лингвистических и психологических, знаний являются:

- целенаправленность коммуникативной деятельности автора;
- уровень коммуникации (публичный/массовый);
- наличие в материале призывов и побуждений (к запрещенным законом действиям);
- наличие пропаганды национального/этнического, религиозного, языкового, расового превосходства, исключительности или неполноценности по этим же признакам;
- наличие идей терроризма;
- наличие нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской до степени смешения;
- наличие оправдания или обоснования терроризма, экстремистской деятельности, противоправных действий против группы лиц, выделенной по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, либо представителям такой группы;
- направленность на возбуждение вражды, ненависти по определенным признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, направленность на унижение достоинства человека;
- наличие угрозы применения насилия, совершения террористического акта.

Следует подчеркнуть, что эксперты дают только лингвистическую и психологическую оценку материала – его содержания и направленности, – которая используется правоохранительными органами и судом для правовой оценки материала и квалификации совершенного автором (и/или публикатором) материала деяния.

В качестве материалов, содержащих объекты психолого-лингвистических исследований, исходя из содержания ст. 10 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ и общей теории судебной экспертизы, могут выступать как вещественные доказательства (ч. 1 ст. 81 УПК РФ), так и иные документы (в их понимании в контексте уголовно-процессуального права). Согласно ст. 83 УПК РФ,

иные документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде.

Для того чтобы явления, стоящие за правовыми понятиями («экстремистская деятельность», «призыв» и др.), могли стать предметом исследования эксперта, они должны быть раскрыты (объективированы) через специальные признаки [18]. Исходя из этого, для каждого из указанных в законодательстве признаков экстремизма в коммуникации были найдены их лингвистические и психологические маркеры и разработаны экспертные диагностические критерии. Искомые маркеры выраженности в материале того или иного значения носят семантический (смысловой) характер. С семантической точки зрения описанные в законах «экстремистские» значения разложимы на три обязательные составляющие: 1) указанное в законодательстве содержание (предмет речи и информация о нем); 2) выраженное отношение к предмету речи; 3) цель сообщения информации адресату. Эти составляющие обязательны ввиду того, что законодательство не ограничивает саму тематику публичных высказываний, (например, межнациональная рознь, социальные и религиозные конфликты могут быть предметом анализа и публичного обмена мнениями) [12], но не допускает при этом публичного проявления определенного отношения (например, позитивного отношения к насилию, враждебного отношения к национальной группе), а также определенных целей выступления/публикации (побуждения к насилию, возбуждения вражды и др.). Таким образом каждое из запрещенных для публичной и массовой коммуникации значений представляет собой трехкомпонентную семантическую структуру, содержащую обязательную для выражения информацию трех типов: предмет речи, выраженное к нему отношение, цель сообщения об этом предмете речи [8]. Эта трехкомпонентная структура положена в основу диагностических комплексов так называемых «экстремистских» значений. Всего их семь:

1) **пропаганда** определенных взглядов (негативного отношения, исключительности, превосходства, неполноценности человека по признакам, указанным в законодательстве);

2) **призыв (побуждение)** к тем или иным «экстремистским» действиям, террористическим действиям;

3) **оправдание** определенных действий и взглядов (терроризма, совершенных противоправных – дискриминационных, насильственных и др. – действий);

4) **обвинение** конкретного лица в определенных действиях;

5) **унижение** человеческого достоинства по признакам расовой, национальной, религиозной, языковой, социальной принадлежности;

6) **угроза** применения насилия в отношении определенных лиц; совершения определенных действий (поджога, взрыва и др.);

7) **возбуждение** вражды (ненависти, розни) к определенной группе лиц (национальной, религиозной, социальной, языковой).

Установленные при психолого-лингвистическом исследовании признаки текста (информационного материала) сопоставляются с диагностическими комплексами, на основании чего принимается экспертное решение о наличии/отсутствии совокупности признаков искомого значения.

В компетенцию лингвиста входит установление того, что конкретно сказано, какой компонент значения выражен и какими языковыми средствами; в компетенцию психолога – установление направленности материала с точки зрения формируемых у адресата социальных установок, иными словами – социально-психологической направленности материала. Психологическое исследование текста (информационного материала) основывается на том, что порождение и использование текста в человеческой практике является психологичным по своей природе и происходит всегда в социальных условиях; текст включен в обмен информацией, коммуникацию, социальную деятельность субъектов. Поэтому основным объектом анализа является заключенное в тексте сообщение, а сам текст при этом рассматривается как коммуникативная единица, текст-сообщение [5; 9]. Это сообщение (послание адресату, месседж) может иметь разную форму, быть представлено как вербально, так и изобразительно (иконически), может сочетать в себе вербальные и невербальные элементы. Поэтому исследуемые тексты могут быть как в прямом смысле текстовыми объектами, так и изображениями, а также представлять собой сочетание языковых и неязыковых элементов – элементов вербальной и визуальной коммуникации [2].

Как элемент коммуникации подлежащий исследованию, материал рассматривается в контексте (и только в контексте) этой коммуникации. Поэтому обязательным этапом исследования является анализ особенностей коммуникации, коммуникативной ситуации. На этом этапе устанавливаются: участники коммуникации (автор и адресат, целевой адресат), их характеристики (особенности их речевого поведения/речевой деятельности; коммуникативная компетентность, социальный и политический статус и др.); уровень коммуникации (межличностная, публичная (прямая), массовая (непрямая)); социокультурный контекст коммуникации (общий контекст и сфера, к которой относится отражаемая автором проблемная ситуация, наличие социальной напряженности и др.) [11; 19].

Каждый из трех обязательных компонентов значения требует отдельного анализа. Поэтому необходим анализ всех трех типов: 1) предметно-тематический (о ком/чем и что именно говорится); 2) оценочно-экспрессивный (как оценивается то, о чем говорится, и какие эмоции у автора вызывает); 3) целевой (зачем говорится). В диагностических комплексах эти типы анализа соответствуют компонентам «тематика», «отношение» и «цель». Все три обязательных компонента значения должны быть исследованы и лингвистом, и психологом (каждым в рамках своих специальных знаний).

С лингвистической точки зрения «тематика» представлена пропозитивным содержанием высказывания (предметом речи и типом сказанного о нем). Компоненту «отношение» соответствуют разного рода оценочные значения, имеющие в языке многочисленные и разнообразные средства выражения [4]. Компонент «цель» выступает как речевая, коммуникативная цель, то есть обязательная для сообщения адресату информация о том, зачем автор говорит ему что-либо. Для исследования каждого компонента проводится соответствующий

лингвистический анализ: предметно-тематический анализ – как анализ пропозитивного содержания; анализ отношения осуществляется путем анализа прагматики, окраски использованных оценочно-экспрессивных средств; целевой анализ – как анализ речевых (коммуникативных) целей. В качестве основы для всех трех типов анализа выступает лингвистический анализ языковых средств и лингвистически важных аспектов коммуникативной ситуации.

С психологической точки зрения «тематика» представлена, прежде всего, той проблемой, которую обсуждает автор и за которой стоит определенный конфликт. На этом этапе устанавливается наличие/отсутствие конфликта отраженного в тексте (его участники, предмет, содержание) и его тип (межличностный/ межгрупповой; социальный/ социально-политический/ социально-экономический/ этнотерриториальный/ этнодемографический/ идеологический и др. [7,19, 20]). «Отношение» представлено взглядом автора на конфликт и проявляемыми им установками по отношению к обсуждаемому конфликту. На этом этапе устанавливается отношение автора к предмету речи и конфликту (в том числе через способ подачи проблемной ситуации: антагонизм, конфронтация, аналитическая оценка, конструктивный анализ; степень конфликтности, враждебности, непримиримости сторон с позиции автора); проявляемую автором групповую идентичность).

Компонент «цель» представлен теми установками относительно обсуждаемого конфликта и его участников, на формирование которых направлен материал. Устанавливаются формируемый автором образ чего-либо/кого-либо, представления о чем-либо (социальные стереотипы, предубеждения и др.) [1, 20] и формируемые (подкрепляемые) социальные установки (с учетом всех компонентов – когнитивного, эмоционального, поведенческого); производится оценка характера влияния формируемых установок на общественное сознание, на разрешение конфликта (стремится ли автор сдвинуть эти установки в позитивную/негативную сторону, способствуют ли они разрешению/обострению конфликта и др.). Критерием негативной направленности текста является нацеленность текста на сдвиг установок адресата в негативную сторону, а основным видом негативной направленности текста является направленность на возбуждение вражды и ненависти (разжигание розни) [10].

Необходимо учитывать, что психологические компоненты значения исследуемого материала тесно связаны между собой, их разделение условно, их исследование проводится в рамках анализа направленности сказанного. Этот анализ осуществляется, в том числе, с помощью оценки того, что сказано (с опорой на результаты лингвистического исследования и анализ коммуникативной ситуации), и исследования психологических приемов воздействия на адресата [8].

При психологическом исследовании текста должны быть соблюдены основные методологические принципы и закономерности: единство сознания и деятельности, уровневый анализ психической деятельности (общения, коммуникативной, текстовой деятельности), целостность текста, качественный критериально-ориентированный анализ [15], индивидуальная вариативность воздействия материала на адресата; учтены особенности групповой идентификации, естественные групповые процессы [20] и др.

Обнаружение приемов и способов психологического воздействия на адресата не является самоцелью и не имеет самостоятельного значения. Приемы речевого и психологического воздействия являются лишь средством формирования определенных представлений и установок у адресата [6]. Поэтому основная задача – установить направленность воздействия. Предметом анализа психолога также не являются ни оказанное психологическое воздействие, ни возможное воздействие. Однозначно установить реальное воздействие материала на адресата невозможно. Порочной является практика проведения социально-психологических экспериментов, когда «экстремистский» материал предлагается реципиентам для оценки. Возможность проведения лабораторных экспериментов по изучению результатов коммуникативного воздействия экстремистских материалов на массовую аудиторию в рамках судебной психологической экспертизы подробно рассмотрена в работе Ратиновой Н.А. и Кроз М.В. [16]. Этим, конечно, не ограничены основные принципы и особенности исследования информационных материалов экстремистской направленности. Многие вопросы и подходы до сих пор являются дискуссионными, требуют обсуждения и ратификации экспертным сообществом и входят в предмет дальнейших исследований авторов. Тем не менее, в настоящее время предложенная нами методика позволяет эффективно исследовать сложные объекты (каковыми сегодня являются экстремистские материалы) и решать сложные разноплановые задачи данного вида экспертизы [8]. Представлению методики, разъяснению ее возможностей и условий применения был посвящен международный научно-практический семинар «Экстремистские материалы: практика анализа и анализ экспертной практики» (Брянск, 15-19 сентября 2014 года). Анализ экспертной практики и дальнейшая разработка теоретико-методологических основ психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с проявлениями экстремизма и терроризма представляется актуальной и для судебной экспертизы, и для практики судопроизводства.

Литература

1. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов// Вопросы психологии. 1986. №1. С. 95-101.
2. Андрианов М.С. Невербальная коммуникация: психология и право. М., 2007. 256 с.
3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта, 2007. 592 с.
4. Баранов А.Н., Грунченко О.М., Левонтина И.Б. Методические рекомендации по анализу высказываний, содержащих оценочный компонент (применительно к исследованию текстов экстремистской направленности на русском языке) / Под ред. доктора филол. наук, проф. Л.П. Крысина. М., 2010. 116 с.
5. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология: Учебное пособие/ Под ред. и с предисл. А.А. Леонтьева. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 240 с.
6. Кроз М.В., Ратинова Н.А., Онищенко О.Р. Криминальное психологическое воздействие. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008. 200 с.
7. Крысько В.Г. Этническая психология. Учебное пособие. М., 2008. 320с.

8. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
9. Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. М.: Смысл, 2008. 272 с.
10. Леонтьев А.А. Психологическое содержание понятий «разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» и «пропаганда социального, расового, национального и языкового превосходства» // Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики. М., 2004. С. 29-43.
11. Леонтьев Д.А. К «операционализации» понятия «толерантность» // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 3-16.
12. Маковей М., Чефранова Е. Европейская конвенция о защите прав человека и его основных свобод. Ст. 10. Право на свободу выражения своего мнения: Прецеденты и комментарии. М., 2001. 166 с.
13. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».
14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».
15. Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. проф. А.Р. Ратина. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2005. 256 с.
16. Ратинова Н.А., Кроз М.В. О противодействии экстремизму негодными средствами: правовой, психологический и этический аспекты // Теория и практика судебной экспертизы: науч.-практ. журн. 2013. № 1 (29). С. 35-42.
17. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2014. 421 с.
18. Секераж Т.Н. Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. №2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40909.shtml> (дата обращения: 20.11.2014).
19. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.
20. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. 3-е изд, испр. и доп. М.: 2004. 368 с.

21. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму/ Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 326 с.
22. Школа для экспертов по теме «Производство судебных психолого-лингвистических экспертиз материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму»// Теория и практика судебной экспертизы: науч.-практ. журн., 2013. № 1 (29). С. 150-154.
23. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание)/ С.А. Кузнецов, С.М. Оленников. 2-е изд., испр. И доп. М.: Издательский дом В. Ема, 2014. 312 с.

Topical issues of psychological research materials on matters related to extremism

Sekerazh T.N., PhD, Head of the Laboratory of Forensic psychological and linguistic expertise Federal State Institution Russian Federal Forensic Center of the Ministry of Justice of the Russian Federation (sekerazh@sudexpert.ru)

The article deals with methodological support psychological and linguistic research "extremist" materials. Presents a comprehensive psycho-linguistic approach to the examination of information materials on matters related to combating extremism and terrorism, and certain provisions of the methodology developed by the Russian federal center of judicial examination of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Based on the analysis of the "verbal" crimes related to criminal legal interpretation of extremism and terrorism, highlighted the types of prohibited public expression of communicative action, corresponding to the seven types of "extremist" values. The article outlines the key features of psychological analysis "extremist" materials research stages. It is shown that the complex (psycho-linguistic) approach to the study of materials of extremist orientation, is scientifically sound, methodically proven, appropriate to the needs of law enforcement, judicial and investigative practice.

Keywords: forensic psychological examination, psychological and linguistic expertise, extremist materials.

References

1. Ageev V.S. Psihologicheskoe issledovanie social'nyh stereotipov// Voprosy psihologii. 1986. №1. pp. 95-101.
2. Andrianov M.S. Neverbal'naja kommunikacija: psihologija i pravo. M., 2007. 256 p.
3. Baranov A.N. Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teorija i praktika: ucheb. posobie. M.: Flinta, 2007. 592 p.
4. Baranov A.N., Grunchenko O.M., Levontina I.B. Metodicheskie rekomendacii po analizu vyskazyvanij, sodержashhij ocenochnyj komponent (primenitel'no k issledovaniju tekstov jekstremistskoj napravlenosti na russkom jazyke) / Pod red. doktora filol. nauk, prof. L.P. Krysina. M., 2010. 116 p.
5. Dridze T.M. Jazyk i social'naja psihologija: Uchehnoe posobie/ Pod red. i s predisl. A.A. Leont'eva. Izd. 2-e, dop. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 240 p.

6. *Kroz M.V., Ratinova N.A., Onishhenko O.R.* Kriminal'noe psihologicheskoe vozdejstvie. M.: Izdatel'stvo «Jurlitinform», 2008. 200 p.
7. *Krys'ko V.G.* Jetnicheskaja psihologija. Uchebnoe posobie. M., 2008. 320 p.
8. *Kukushkina O.V., Safonova Ju.A., Sekerazh T.N.* Metodika provedenija sudebnoj psihologo-lingvisticheskoj jekspertizy materialov po delam, svjazannym s protivodejstviem jekstremizmu i terrorizmu. M.: RFCSJe pri Minjuste Rossii, 2014. 98 p.
9. *Leont'ev A.A.* Prikladnaja psiholingvistika rechevogo obshhenija i massovoj kommunikacii / pod red. A.S. Markosjan, D.A. Leont'eva, Ju.A. Sorokina. M.: Smysl, 2008. 272 p.
10. *Leont'ev A.A.* Psihologicheskoe sodержanie ponjatij «razzhiganie social'noj, rasovoj, nacional'noj i religioznoj rozni» i «propaganda social'nogo, rasovogo, nacional'nogo i jazykovogo prevoshodstva» // Skrytoe jemocional'noe sodержanie tekstov SMI i metody ego ob#ektivnoj diagnostiki. M., 2004. pp. 29-43.
11. *Leont'ev D.A.* K «operacionalizacii» ponjatija «tolerantnost'» // Voprosy psihologii. 2009. № 5. pp. 3-16.
12. *Makovej M., Chefranova E.* Evropejskaja konvencija o zashhite prav cheloveka i ego osnovnyh svobod. St. 10. Pravo na svobodu vyrazhenija svoego mnenija: Precedenty i kommentarii. M., 2001. 166 p.
13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii ot 09.02.2012 № 1 «O nekotoryh voprosah sudehnoj praktiki po ugolovnym delam o prestuplenijah terroristicheskoj napravlennosti».
14. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28.06.2011 № 11 «O sudebnoj praktike po ugolovnym delam o prestuplenijah jekstremistskoj napravlennosti».
15. *Ratinov A.R., Kroz M.V., Ratinova N.A.* Otvetstvennost' za razzhiganie vrazhdy i nenavisti. Psihologo-pravovaja harakteristika / Pod red. prof. A.R. Ratinova. M.: Izdatel'stvo «Jurlitinform», 2005. 256 p.
16. *Ratinova N.A., Kroz M.V.* O protivodejstvii jekstremizmu negodnymi sredstvami: pravovoj, psihologicheskij i jeticheskij aspekty // Teorija i praktika sudehnoj jekspertizy: nauch.-prakt. zhurn. 2013. № 1 (29). pp. 35-42.
17. *Safuanov F.S.* Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2014. 421 p.

18. *Sekerazh T.N.* Metodologicheskie problemy issledovaniya spornyh tekstov po delam ob jekstremizme [jelektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2011. №2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40909.shtml> (data obrashhenija: 20.11.2014).
19. *Soldatova G.U.* Psihologija mezhjetnicheskoj naprjazhennosti. M., 1998. 389 p.
20. *Stefanenko T.G.* Jetnopsihologija. 3-e izd., ispr. i dop. M.: 2004. 368 p.
21. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoj psihologo-lingvisticheskoj jekspertizy tekstov po delam, svjazannym s protivodejstviem jekstremizmu/ Kukushkina O.V., Safonova Ju.A., Sekerazh T.N. M.: RFCSJe pri Minjuste Rossii, 2011. 326 p.
22. Shkola dlja jekspertov po teme «Proizvodstvo sudebnyh psihologo-lingvisticheskikh jekspertiz materialov po delam, svjazannym s protivodejstviem jekstremizmu»// Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy: nauch.-prakt. zhurn., 2013. № 1 (29). pp. 150-154.
23. Jekspertnye issledovaniya po delam o priznanii informacionnyh materialov jekstremistskimi: teoreticheskie osnovanija i metodicheskoe rukovodstvo (nauchno-prakticheskoe izdanie)/ S.A. Kuznecov, S.M. Olennikov. 2-e izd., ispr. I dop. M.: Izdatel'skij dom V. Ema, 2014. 312 p.

Социальные представления о преступниках и преступлениях в различных профессиональных группах молодежи

Якушенко А.В., аспирантка кафедры клинической и судебной психологии факультета Юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (yakushenko-anna@yandex.ru)

Описывается исследование, целью которого являлось изучение особенностей социальных представлений о преступлении и преступнике в различных группах студенческой молодежи. Выборку составили 88 человек в возрасте от 18 до 27 лет, разделенные на четыре группы, в зависимости от предмета профессионализации – психологи, юристы, журналисты, представители технических профессий. Исследование основывается на идеях теории социальных представлений, предложенной С. Московиси. Основным методом изучения явился опрос в варианте анкеты, включающей в себя ассоциативную методику, методику «Незаконченные предложения», а также открытые и закрытые вопросы. Ассоциации были проанализированы с помощью прототипического анализа, предложенного П. Вержесом. Результаты, полученные по методике «Незаконченные предложения», были обработаны с помощью контент-анализа. Проверяемые предположения, касающиеся специфики профессиональных социальных представлений в различных студенческих группах, получили полную или частичную эмпирическую поддержку.

Ключевые слова: преступник, преступление, социальные представления, профессиональные социальные представления

По официальным данным, взятым с сайта МВД России, за 2013 год органами внутренних дел было рассмотрено 28,35 млн. заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, что на 7,5% больше, чем за двенадцать месяцев 2012 года. В январе - октябре 2014 года органами внутренних дел рассмотрено 24,38 млн. заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, что на 3,8% больше, чем за десять месяцев 2013 года [8].

Неутешительность статистических данных позволяет говорить об особой актуальности данной проблемы в современном обществе.

Существует множество определений понятия преступление. Так, в «Большом толковом словаре» предлагается различать два определения преступления. С одной стороны, говорится, что преступление – это «противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности» [4, с.352]. Во втором определении

отмечается, что это: «предосудительный, недопустимый проступок». Преступником же оказывается человек, совершивший такой поступок. В 14 статье Уголовного кодекса РФ говорится, что «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [9, с. 3]. Так или иначе, акцент сделан на общественной опасности деяния, а также на том, что преступлению соответствует определенное наказание.

Концепций личности преступника еще больше, чем определений преступления. Еще до появления научного знания как такового возникали попытки изучить и объяснить причины делинквентного поведения. В основном они разрабатывались в русле религиозных и философских течений [1]. Затем, позднее, с появлением научного знания, вышеописанные проблемы стали анализироваться в рамках таких дисциплин, как криминология, психология, социология, генетика и т.д. Несомненно, что все эти теории оказали определенное влияние на формирование ненаучных представлений о преступниках и преступлениях у представителей разных групп. Кроме того, важно понимать, что преступление – есть часть социальной реальности, несущая угрозу каждому. Что, несомненно, пугает. Для того чтобы установить контроль над данной угрозой, индивид пытается вписать ее в свою картину мира, сделать что-то незнакомое – знакомым, а непонятное – понятным [3].

С психологической точки зрения, важно знать, как люди понимают, что есть преступление, на какое знание люди опираются в своей повседневной жизни. При постоянном столкновении с информацией такого рода человек вынужден вырабатывать для себя какое-то понимание того, что является преступлением. Для этого у индивида имеется значительно число различных источников информации, в том числе: хроники событий в различных СМИ, публичные дебаты, художественные фильмы, художественная и специализированная литература, наконец, собственный опыт. Очевидно, что знание научное претерпевает ряд определённых трансформаций, становясь достоянием индивидов, не являющимися экспертами в области соответствующей дисциплины. Более того, отметим, что данные представления не формируются человеком самостоятельно, но вырабатываются в ходе постоянных коммуникаций.

Для изучения данных представлений обратимся к *концепции социальных представлений* (далее - СП) [10], разработанной С. Московиси при участии Ж.-К. Абрика, В. Дуаза, Д. Жоделе и других исследователей в начале 60-х годов. Социальные представления, по мнению С. Московиси, - это «универсальный социально-психологический феномен, включающий все формы познания», объединяющий «идеи, мысли, образы и знание, которыми совместно пользуются члены коллектива (общности)» [7, с. 3]. Чтобы понять, как происходят эти процессы, и как на самом деле человек воспринимает окружающий мир, необходимо пользоваться данной теорией. Итак, согласно С. Московиси, «основные разновидности представлений имеют социальное происхождение» [6, с. 3]. Автор считает, что СП являются «своеобразной визитной карточкой социальной группы» [6, с. 84]. С. Московиси пишет о том, что СП должны рассматриваться не как характеристики индивидов, но как характеристики групп. Благодаря этому предоставляется возможность изучения СП больших групп о любых процессах и явлениях, таких как политика, искусство, общество, преступление и т.д.

Ж.-Д. Абрик предложил выделять в СП зону ядра и *периферические элементы*. Ядро определяется ценностной системой, разделяемой членами группы и наименее подвержено изменениям. Соответственно, оно придает смысл другим элементам представления, организует их и стабилизирует [7]. Содержание ядра обусловлено историческими, социальными и идеологическими условиями существования группы и выделяется на основе следующих количественных критериев: 1) уровень согласия мнений членов группы о важности данной характеристики объекта представления, 2) оценка необходимости характеристик для определения объекта [7, с. 127].

Отдельно стоит упомянуть исследование Н. Моранта – предлагаю его исследование само здесь проанализировать шире, и уже выводы сделать с экстраполяцией на Ваше исследование о «*профессиональных социальных представлениях*», благодаря которому, автор приходит к выводу о том, что СП экспертов в области психиатрии и психологии о психически больных людях основываются на непосредственном взаимодействии с ними, теоретических знаниях о различных аспектах их деятельности и т.д., т.е. имеют характеристику экспертного знания. Но, кроме этого, включают в себя и конструкторы, характерные представителям других профессий – амбивалентность, «инаковость» и прочее [2]. Экстраполируя вышеприведенные результаты исследования на нашу работу, можно говорить о том, что представления экспертов (в нашем случае – юристов – как профессионалов в области преступности, и психологов – как профессионалов в области девиантного поведения) будут обладать схожими характеристиками.

Насколько позволяет судить анализ литературы, СП о преступниках и преступлениях мало изучены, что подчеркивает значимость данного исследования. Остановимся на некоторых работах. Так, О.А. Гулевич пишет о том, что СП о преступлениях представляют собой сложные системы, состоящие из ряда взаимосвязанных элементов, структура их не является однородной, степень опасности преступлений расценивается не одинаково [5]. В своей работе Бовина И.Б. и Бовин Б.Г. приходят к выводу о том, что в СП о преступлении и преступнике тема вины является ключевой; представления о преступнике больше апеллируют к морально нравственному аспекту, чем представления о преступлении; СП о преступлении и преступнике связаны между собой элементами, конкретизирующими вид преступления – «убийство», «кража» [3].

В нашем исследовании особый акцент сделан на влияние выбранной профессии на представления становящихся специалистов, в поле профессионального знания которых попадает такой конструктор, как преступник и преступление. Так, юристы непосредственно занимаются данной проблемой, психологи работают с понятие нормативного и отклоняющегося поведения, журналисты преподносят данную информацию и оказывают влияние на формирование общественного мнения. Представители же технических специальностей, профессиональные знания которых не имеют связи с рассматриваемой проблемой, являются, в данном случае, своеобразной контрольной выборкой.

Соответственно, целью нашего исследования является изучение особенностей СП о преступлении и преступнике в различных группах студенческой молодежи. *Объектом* выступили представители различных групп студенческой молодежи, специализирующиеся в таких областях знаний, как психология, юриспруденция,

журналистика и технические науки. *Предмет* исследования – особенности СП в различных группах студенческой молодежи.

Основным *методом* в нашей работе выступил опрос в варианте анкеты, включающей в себя ассоциативную методику, методику незаконченных предложений, открытые и закрытые вопросы о том, что такое преступление; кто такой преступник; о возможностях пенитенциарной и превентивной систем; проблеме смертной казни; общественном мнении; статистических данных (Какие преступления совершаются чаще? Какой процент людей совершали преступления? Сколько из них осуждено? А сколько – невинно осуждено? И т.д.)

Результаты, полученные по методике «Незаконченные предложения», а также ответы на открытые вопросы обрабатывались при помощи *контент-анализа*. Ассоциации были проанализированы на основе *прототипического анализа*, предложенного П. Вержесом [11].

Выборка состоит из четырех групп представителей студенческой молодежи, специализирующихся в психологии, юриспруденции, журналистике и технических науках, в возрасте от 18 до 27 лет (48 юношей и 40 девушек). Общее количество испытуемых 88 человек.

Мы исходили из общего предположения о том, что представления будут различаться во всех группах: 1) в случае студентов-психологов и студентов-юристов представления будут иметь наиболее сложную и противоречивую структуру, ключевыми категориями будут восходить к знанию психологических и юридических наук, соответственно; 2) в случае студентов-журналистов, а также студентов, изучающих технические науки, ожидалось, что представления будут иметь более простую форму в каждом случае.

Структура и содержание СП о преступниках и преступлениях

Таблица 1.

Структура представлений о преступнике в группах испытуемых

Ассоциации со словом «преступник» 8 группе психологов	Ассоциации со словом «преступник» В группе студентов, изучающие технические дисциплины	Ассоциации со словом «преступник» В группе журналистов	Ассоциации со словом «преступник» 8 группе юристов
<i>Средний ранг=2,67</i>	<i>Средний ранг=3,01</i>	<i>Средний ранг=2,92</i>	<i>Средний ранг=2,91</i>
<i>Медиана по рангам=4</i>	<i>Медиана по рангам=4</i>	<i>Медиана по рангам=4</i>	<i>Медиана по рангам=3</i>
<i>Общее количество групп=13</i>	<i>Общее количество групп=15</i>	<i>Общее количество групп=16</i>	<i>Общее количество групп=21</i>
<i>Понятие (частота, ранг)</i>	<i>Понятие (частота, ранг)</i>	<i>Понятие (частота, ранг)</i>	<i>Понятие (частота, ранг)</i>

Высокая частота, низкий ранг (ядро СП)	Высокая частота, низкий ранг (ядро СП)	Высокая частота, низкий ранг (ядро СП)	Высокая частота, низкий ранг (ядро СП)
Отрицательные качества личности преступника (13; 1,9) Правонарушитель (6; 1,7) Закон (4; 2,3)	Вор (11; 2,5) Убийца (9; 2,2)	Отрицательные качества личности преступника (13; 2,5) Наказание (11; 2,9) Психические отклонения (7; 2,9)	Отрицательные качества личности преступника (15; 2,7) Сильные эмоциональные реакции (9; 2,6) Убийца (5; 1,6) Вор (4; 2,5)
Низкая частота, низкий ранг (периферическая зона СП)	Низкая частота, низкий ранг (периферическая зона СП)	Низкая частота, низкий ранг (периферическая зона СП)	Низкая частота, низкий ранг (периферическая зона СП)
Сильные эмоциональные реакции (4; 2) Маньяк (3; 3,3) Жертва (2; 2,5) Насильник (2; 1) Характер преступника (2; 2,5)	Сильные эмоциональные реакции (3; 2,3) Закон (3; 2,3) Коррупционер (3; 2,7) Правонарушитель (3; 2,7) Опасность (2; 1)	Бедный/несчастный (4; 2,8) Страх (4; 2,3) Маньяк (3; 2) Оружие (3; 2,3) Вера/религия (2; 1,5) Кровь (2; 2,5)	Мошенник (3; 2,3) Закон (2; 2) Криминал (2; 1) Оружие (2; 2,5) Противоправное действие (2; 2,5)
Высокая частота, высокий ранг (периферическая зона СП)	Высокая частота, высокий ранг (периферическая зона СП)	Высокая частота, высокий ранг (периферическая зона СП)	Высокая частота, высокий ранг (периферическая зона СП)
Наказание (15; 3,1) Причина (6; 3,7) Вор (5; 3,6) Психические отклонения (5; 3)	Наказание (16; 3,6) Отрицательные качества личности преступника (14; 3) Алкоголь (6; 3,7)	Сильные эмоциональные реакции (16; 3,1) Убийца (5; 3,6)	Психические отклонения (8; 3,4) Наказание (8; 4,1) Расследование (4; 4)

В ядре СП о преступнике у психологов расположились такие конструкты, как «Отрицательные качества личности преступника», «Правонарушитель», «Закон». У представителей технических дисциплин – «Вор» и «Убийца». У журналистов – «Отрицательные качества личности преступника», «Психические отклонения», «Наказание». Ядро СП у юристов образовано следующими конструктами: «Сильные эмоциональные реакции», «Убийца», «Вор», «Отрицательные качества личности преступника» (Табл.1). Так, у представителей технических специальностей гомогенно организованное ядро, деление не категории происходит исключительно по виду совершенного преступления. У психологов более гетерогенно, основной упор делается на преступление черты закона и наличие отрицательных качеств личности. У журналистов же вообще отсутствует какой-либо конструкт, связанный с законодательством и нарушением такового. Таким образом, преступник детерминируется через личностные критерии, медицинские показатели и наличием наказания. Юристы же обобщают категоризационный подход представителей технических наук и личностный подход психологов и журналистов, оценивая преступника по наибольшему количеству критериев, демонстрируя тем самым гетерогенность представлений.

С низкой частотой и низким рангом предъявления у психологов располагаются такие конструкты, как «Сильные эмоциональные реакции», «Маньяк», «Жертва», «Насильник», «Характер преступника», у представителей технических профессий – «Сильные эмоциональные реакции», «Закон», «Коррупционер», «Правонарушитель», «Опасность». У журналистов – «Бедный/несчастный», «Страх», «Маньяк», «Оружие», «Вера/религия», «Кровь». У юристов – «Мошенник», «Закон», «Криминал», «Оружие», «Противоправное действие» (Табл.1).

Мы можем видеть, что журналисты единственные испытывают жалость по отношению к преступникам («Бедный/несчастный»). Конструкт «Жертва» встречается только у психологов.

У психологов в периферической системе с высоким рангом и большой частотой встречаются такие категории, как «Наказание», «Причина», «Вор», «Психические отклонения». У студентов технических специальностей – «Наказание», «Отрицательные качества личности преступника», «Алкоголь». И «Психические отклонения», «Наказание», «Расследование» у юристов. И «Сильные эмоциональные реакции», «Убийца» - у журналистов (Табл.1).

Отметим, что категория «Психически отклонения» встречается у всех, кроме представителей технических дисциплин.

Таблица 2.

Структура представлений о преступлении в группах испытуемых

Ассоциации со словом «преступление» В группе психологов	Ассоциации со словом «преступление» В группе студентов, изучающие технические дисциплины	Ассоциации со словом «преступление» В группе журналистов	Ассоциации со словом «преступление» В группе юристов
<i>Средний ранг=2,89</i> <i>Медиана по рангам=3</i> <i>Общее количество групп=15</i>	<i>Средний ранг=2,86</i> <i>Медиана по рангам=2</i> <i>Общее количество групп=22</i>	<i>Средний ранг=2,81</i> <i>Медиана по рангам=4</i> <i>Общее количество групп=20</i>	<i>Средний ранг=2,82</i> <i>Медиана по рангам=3</i> <i>Общее количество групп=17</i>
<i>Понятие (частота, ранг)</i>	<i>Понятие (частота, ранг)</i>	<i>Понятие (частота, ранг)</i>	<i>Понятие (частота, ранг)</i>
Высокая частота, низкий ранг (ядро СП)	Высокая частота, низкий ранг (ядро СП)	Высокая частота, низкий ранг (ядро СП)	Высокая частота, низкий ранг (ядро СП)
Наказание (16; 2,9) Воровство (11; 2) Отрицательные качества личности преступника (6; 2,3)	Убийство (15; 2,2) Воровство (11; 2) Расследование (6; 2,8) Отрицательные качества личности преступника (4; 2,5) Сильные эмоциональные реакции (4; 2,8)	Наказание (11; 2,6) Воровство (8; 2,5) Сильные эмоциональные реакции (6; 2,7) Кровь (6; 2,7) Отрицательные качества личности преступника (5; 1,8)	Смерть (12; 1,9) Противоправное действие (9; 1,9) Отрицательные качества личности преступника (7; 2,1) Наказание (6; 2,8)
Низкая частота, низкий ранг (периферическая зона СП)	Низкая частота, низкий ранг (периферическая зона СП)	Низкая частота, низкий ранг (периферическая зона СП)	Низкая частота, низкий ранг (периферическая зона СП)
Закон (3; 2,7)	Коррупция (2; 2,5) Правонарушение (2; 2) Бедный/несчастный преступник (2; 2,5)	Боль/несчастье (4; 2,3) Насилие (4; 2,8) Убийство (4; 1,5)	Кровь (3; 2,3) Уголовный Кодекс РФ (2; 2) Плохие условия жизни

	Терроризм (2; 1,5) Умысел (2; 2)	Нарушение закона (2; 1) Злость (2; 1,5)	(2; 2)
Высокая частота, высокий ранг (периферическая зона СП)	Высокая частота, высокий ранг (периферическая зона СП)	Высокая частота, высокий ранг (периферическая зона СП)	Высокая частота, высокий ранг (периферическая зона СП)
Сильные эмоциональные реакции (10; 3) Убийство (8; 3) Насилие (5; 3,2) Расследование (5; 3,8)	Наказание (12; 3,9) Насилие (6; 3,3) Полиция (5; 3,6)	Психические отклонения (5; 3) Полиция (5; 4,4) Оружие (4;3,5)	Страх (11; 3) Психические отклонения (4; 3,5)

Ядро СП психологов о преступлении образовано следующими конструктами – «Наказание», «Воровство», «Отрицательные качества личности преступника». У представителей технических профессий – «Убийство», «Воровство», «Расследование», «Отрицательные качества личности преступника», «Сильные эмоциональные реакции». У журналистов ядро СП кристаллизуется вокруг таких элементов, как «Наказание», «Воровство», «Сильные эмоциональные реакции», «Кровь», «Отрицательные качества личности преступника». У юристов – «Смерть», «Противоправное действие», «Отрицательные качества личности преступника», «Наказание» (Табл. 2).

Психологи по-прежнему склонны детерминировать деликт личностными особенностями преступника. Однако все также демонстрируют гетерогенность ядра, оперируя различными критериями.

Любопытно, что категория «Наказание» появляется у юристов только в ответ на стимул «преступление», но не «преступник». Т.е. наказывается деяние, но не человек. Кроме того, для журналистов характерно наличие ярких образов («Кровь»).

Периферическая система с низким рангом предъявления и низкой частотой у психологов представлена понятием «Закон». У становящихся специалистов в технической области – «Убийство», «Воровство», «Расследование», «Отрицательные качества личности преступника». У журналистов – «Боль/несчастье», «Насилие», «Убийство», «Нарушение закона», «Злость» (Табл. 2).

Периферическая система с высоким рангом предъявления и высокой частотой встречаемости состоит у психологов из таких компонентов, как «Сильные эмоциональные реакции», «Убийство», «Насилие», «Расследование». У становящихся профессионалов в технической области – «Наказание», «Насилие», «Полиция». Журналисты строят данную структуру вокруг таких конструктов, как «Психические отклонения», «Полиция», «Оружие», а юристы – «Страх», «Психические отклонения» (Табл. 2).

Представления о причинах преступности, возможностях исправления и наказания преступников. Эмоциональное отношение к проблеме

Во всех группах большинство говорит, что к преступникам относятся плохо. Но, важно отметить, что только юристы и математики говорят о том, что к преступникам относятся со *страхом*. 52,2% представителей технических профессий считают, что лучшим способ исправления преступников является *наказание*, среди журналистов такого мнение придерживается лишь 22,7%, среди психологов и юристов – по 40%. С другой стороны, важно отметить, что только у юристов и психологов появляется такая категория, как психологическое воздействие, психотерапия. Это может свидетельствовать о том, что данные группы студентов задумываются не только о наказании, но и об *исправлении* преступников. Более того, на вопрос о возможности исправления преступников 72,7% журналистов отвечают однозначно – «можно», остальные профессиональные группы согласны с журналистами в 40-45% случаев. Стоит отметить, что 21,7% математиков считают, что «исправить» преступника может только *смертная казнь*. Данная идея является лейтмотивом во многих ответах математиков. Так, предложение «Преступников было бы меньше, если бы...» 34,8% математиков заканчивают словами о смертной казни («Преступников было бы меньше, если бы ввели смертную казнь»). Остальные профессиональные группы не предлагают такой вариант решения проблемы. Журналисты и психологи видят основную сложность в *несовершенстве общества* (40% и 25% соответственно). Юристы же ссылаются на недостатки *государственной системы* (31,8%). Такое предложение, как «Смертную казнь уместно назначить в случае, если...» 91,6% представителей технических профессий завершают словами о том, что такие случаи есть. Более того, респонденты говорят о том, что данная мера наказания приемлема и в отношении людей, совершивших экономические преступления. Встреча с преступником на улице у представителей всех специальностей вызывает по большей части страх (юристы – 63,6%, журналисты – 50%, математики – 39,1%, психологи – 35%), но, важно отметить, что только у психологов и журналистов (20% и 18,2%) появляется *интерес* при встрече с преступниками. Также 50% журналистов считают, что основная задача государства в отношении преступников заключается в *перевоспитании*, самым же частотным ответом в остальных профессиональных группах является «*поймка и наказание*» (от 40% до 47,8%). Большинство юристов считают, что в обществе распространено мнение, что преступник этот тот, кто *нарушает закон*, а у математиков и журналистов первые места занимает ответ «*не такой как все, асоциальный*». Мы можем видеть, что специалисты разного профиля склонны различным образом детерминировать возникновения преступности, и, более того, проецировать свое мнение на общественное.

Обыденные оценки масштабов преступности

Самыми частотными преступлениями все психологи и журналисты считают различные варианты *корыстных правонарушений*. Только у математиков есть такая категория, как «нанесение тяжких телесных повреждений» (12,5%), и только у юристов есть категория «убийство» (22,7%). Ответ на вопрос о том, какой процент людей в России совершали преступления – располагается в цифровом диапазоне от 38% (журналисты) до 55,3% (математики). Вопрос же о количестве осужденных видится менее однозначным. Так, по данным однофакторного дисперсионного анализа наблюдаются значимые различия, а именно – произошло деление на 3

группы: низкий процент у журналистов (15,5%), средний – у юристов (20,4%) и высокий у математиков (27,3%) и психологов (23,1%). Практически во всех вопросах представители технических наук озвучивают самые большие цифры, а журналисты – самые низкие (Как Вы думаете, какой процент из них осуждены? – 27,3% и 15,5% соответственно, Как Вы думаете, какой процент преступлений в РФ совершается под воздействием алкогольного и наркотического опьянения? – 54,4% и 35% и т.д.). Психологам и журналистам свойственно разделять преступников на категории на основе *вида преступления* (45% и 27,3%), а юристам и математикам – на основе *личностных характеристик преступника*, таких как умный-глупый и т.д. (27,3% и 37,9%).

Стоит отметить, что в вопросах, касающихся классификации преступников, юристы обнаруживают наибольшее, в сравнении с остальными группами, количество критериев.

Максимальный страх у всех профессиональных групп вызывает *убийца* (от 30% до 45%). Кроме того, юристы и математики вспоминают про *психически больных преступников*, и страх перед ними ставят на второе место (13,6% и 21,7%). Объясняется же это различными способами. Так, математики и юристы боятся, потому что не знают, *чего ожидать* от такого человека (34,8% и 31,8%), а психологи и журналисты – *переживают за себя и своих близких* (15% и 36,4%). Кроме того, 15% психологов больше всего *страшатся самого факта наличия в мире насилия*. Стоит отметить, что самые яркие *реакции страха* перед преступниками демонстрируют именно юристы. Так, упоминания о страхе сквозят в различных ответах. Более того, вопрос о том, каких преступников боятся меньше, только у данной профессиональной группы вызывает ответ «*боюсь всех*» (13,6%). Кроме того, мы поинтересовались у наших респондентов о том, стали бы они общаться со своими детьми на тему преступности. И, если бы стали, то что конкретно они бы обсуждали. Итак, только юристы и психологи собираются говорить со своим ребенком о позиции *потенциальной жертвы* (27,2% и 25%). Математики и журналисты собираются обсуждать только возможную позицию преступника, но никто из них не собирается говорить с детьми о защите от преступников. Скорее всего, это может быть следствием менее сложной структуры СП.

Выводы

1. СП выстраиваются во всех случаях вокруг таких категорий, как вид преступления (убийство, воровство и т.д.), отрицательные качества личности преступника и сильные негативные эмоциональные реакции. СП о преступлении включает в себя еще и такую группу, как наказание.

2. Ядра СП в каждом случае образованы отличающимися элементами в зависимости от профессии.

3. У психологов и юристов они более сложные и разнообразные, сильнее связаны с законом. Также наблюдаются определенные элементы, характерные студентам в силу дисциплин, которые они изучают.

4. Математики в своих СП наиболее односложны, жестоки и склонны детерминировать преступность тем, что человек «плохой» и одобряют введение смертной казни. А журналисты наоборот, самые гуманные, склонны

детерминировать преступность социальными сложностями, верить в возможность исправления. Юристам же характерно наличие такого конструкта, как страх и большое количество отсылок к законодательным базам и нормативным документам.

5. Важно, что ни журналисты, ни математики не встают на позицию абстрактной жертвы.

6. У психологов и юристов более сложная структура СП о пенитенциарной системе, о возможности наказания, исправления преступников.

Таким образом, наши гипотезы нашли эмпирическую поддержку.

Данная проблема требует дальнейшего более подробного изучения. Данная задача может быть решена с помощью конкретизации преступлений (убийство, воровство и т.д.). Кроме того, актуальным видится исследование представлений о других участниках преступления и правоприменения (жертвах, представителей юридических профессий и т.д.). Помимо этого возможно изучение близких объектов представлений, имеющих общие конструкты (например, психические заболевания и психически больные люди) с целью более детального изучения связи социальных представлений.

Литература

1. *Беличева С.А.* Основы превентивной психологии. — М.: Редакционно-издательский центр Консорциума «Социальное здоровье России», 1994. — 224 с.
2. *Бовина И.Б.* Социальная психология здоровья и болезни. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 263 с.
3. *Бовина И.Б., Бовин Б.Г.* Преступление и его участники в социальных представлениях студенческой молодежи [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. №3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62517.shtml (дата обращения: 16.11.2014).
4. Большой толковый словарь русского языка. // под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 2009. — 1536 с.
5. *Гулевич О.А.* Социальные представления о преступлениях, преступниках, жертвах и о работниках правовых институтов. Дис. ... канд. психол. наук. — М., 1999. — 264 с.
6. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. — М.: Наука, 1994. — 304 с.
7. *Донцов А.И., Емельянова Т.П.* Концепция социальных представлений в современной французской психологии. — М.: Издательство МГУ, 1987. — 178 с.
8. Сайт МВД РФ URL: <https://mvd.ru/reports/item/1609734/> (дата обращения: 01.12.2014).

9. Уголовный кодекс РФ. URL: <http://base.garant.ru/10108000/3/#1003> (дата обращения: 01.12.2014).
10. *Moscovici S.* La Psychanalyse: son image et son public. — P.: Presses Universitaires de France. 1961. — 515 p.
11. *Vergès P.* L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation// Bulletin de psychologie. 1992. T. XLV. № 405. P. 203–209.

Social representations about criminals and crimes in various professional groups of young people

Yakushenko A.V., postgraduate student, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (yakushenko-anna@yandex.ru)

Describes a study whose purpose was to study the peculiarities of social representations of crime and criminals in different groups of students. The sample included 88 people aged 18 to 27 years, divided into four groups, depending on the subject of professionalization - psychologists, lawyers, journalists, representatives of technical professions. The study is based on the ideas of the theory of social representations proposed S.Moskovisi. The main method of study was a survey in a variant form, including an associative technique, the technique of "incomplete sentences", as well as open and closed questions. Associations were analyzed using analysis of prototypical proposed P.Verzhesom. The results obtained by Method "offers Incomplete" were to machine-using content analysis. Testable hypothesis regarding the specifics of professional social representations in various student groups received polnouyu or partial empirical support.

Keywords: criminal, crime, social representations, professional social representations.

References

1. *Belicheva S.A.* Osnovy preventivnoj psihologii. — M.: Redakionno-izdatel'skij centr Konsorciuma «Social'noe zdorov'e Rossii», 1994. — 224 p.
2. *Bovina I.B.* Social'naja psihologija zdorov'ja i bolezni. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Aspekt Press, 2008. — 263 p.
3. *Bovina I.B., Bovin B.G.* Prestuplenie i ego uchastniki v social'nyh predstavlenijah studencheskoj molodezhi [Jelektronnyj resurs] // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2013. №3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62517.shtml (data obrashhenija: 16.11.2014).
4. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. // pod red. S. A. Kuznecova. — SPb.: Norint, 2009. — 1536 p.
5. *Gulevich O.A.* Social'nye predstavlenija o prestuplenijah, prestupnikah, zhertvah i o rabotnikah pravovyh institutov. Dis. ... kand. psihol. nauk. — M., 1999. — 264 p.

6. *Diligenskij G.G.* Social'no-politicheskaja psihologija. — M.: Nauka, 1994. — 304 p.
7. *Doncov A.I., Emel'janova T.P.* Konceptija social'nyh predstavlenij v sovremennoj francuzskoj psihologii. — M.: Izdatel'stvo MGU, 1987. — 178 p.
8. Sayt MVD RF. URL: <https://mvd.ru/reports/item/1609734/>((data obrashhenija: 01.12.2014).
9. Ugolovnyj kodeks RF. URL: <http://base.garant.ru/10108000/3/#1003>(data obrashhenija: 01.12.2014).
10. *Moscovici S.* La Psychanalyse: son image et son public. — P.: Presses Universitaires de France. 1961. — 515 p.
11. *Vergès P.* L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation// Bulletin de psychologie. 1992. T. XLV. № 405. P. 203–209.